

ГУСМАН ГУМЕР

ШАХМИРАН

ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Гусман Гумер

Шахмиран

«Татарское книжное издательство»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Тат)-44

Гумер Г.

Шахмиран / Г. Гумер — «Татарское книжное издательство»,
2018

ISBN 978-529-803581-1

В книгу известного татарского писателя Гусмана Гумера вошли роман «Шахмиран», повести «Когти тигра», «Краденый дастан», переведённые на русский язык. В основе произведений – столкновение противоборствующих светлых и тёмных сил. В сюжетах находят отражение происшествия «лихих девяностых», времён разгула в стране бандитизма. Автор строит повествование, основываясь на реальных криминальных событиях. В этих произведениях – жизненная правда в художественном изложении.

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Тат)-44

ISBN 978-529-803581-1

© Гумер Г., 2018
© Татарское книжное
издательство, 2018

Содержание

Шахиран	6
Часть первая	6
Часть вторая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Гусман Гумер Шахмиран

© Татарское книжное издательство, 2018

© Гумеров Г. Г., 2018

© Хромкин Ф. Г., пер. с татар., 2018

Шахмиран (Крах казанской мафии)

Часть первая

Непредвиденная трагедия...

Так оценили впоследствии главари мафии этот случай. Начали заметать следы бессмысленного злодейства, совершённого киллерами...

Представитель городского жилищного управления Нури Нугаев, хотя и не занимал слишком высокое кресло, в силу своего служебного положения за день проворачивал много дел, встречался с большим количеством разношёрстной публики. В основном занимался торговыми точками города. Из-за того, что ему день казался коротким и времени не хватало, он всегда с работы домой возвращался поздно. Уже давно день укрылся чёрным пологом. 21-е число настольного календаря означает самый короткий день декабря проходящего года Петуха. Куда спешат эти часы – у-у, уже доходят до семи!

На сиденье своей машины Нугаев свалился, как мешок с просом. Вконец измотался. С утра день выдался какой-то безумный. До самого обеда директор магазина «Чингисхан» Ханави Шомбытов замучил своими звонками. Приставал, пытаясь кого-то закрепить в своём магазине. Кладёт трубку и, находя тысячу причин, тут же опять звонит. В государственных магазинах никаких торговых точек мафиозных структур не должно быть. По этому вопросу есть специальное постановление Кабинета Министров. Шомбытов знает об этом, но суетится. Значит, ему выгодно. Успокоился директор только после того, как получил головомойку и указание в течение одного дня освободить магазин. Давно так не выходил из себя. Однако ещё не забыты времена, когда он работал в райкоме. Всё же, открыв 22-е число календаря, сделал пометку «Шомбытов, проверить снова». Иначе жди подлости от этого человека.

По улице Маяковского, не доезжая до угла Бутлерова, их обогнала «девятка» цвета мокрого асфальта. Чуть не срезав нос «Волги», объехала их и резко остановилась. Нажимать на тормоз было бесполезно. «Волга», юзом проехав по гололёду, врезалась в зад «жигулей». Тут же рядом возникла ещё одна «девятка». Шофёр Нугаева услышал, как чиркнуло стекло кабины, и почувствовал, словно огнём прожгло горло. Голова непроизвольно склонилась на руль. Что же это? Что с ними случилось? Появилось ощущение тепла и жжения. Собрав последние силы, парень потихоньку поднял голову. А «девятки» развернулись и укатили.

– Нури Гаянович, кто они?

Хозяин не ответил. У него изо рта и носа, из правого уха текла кровь. Шофёр растерялся, попытался завести мотор, но «Волга» с места не тронулась. Понял: стреляли в колёса, из них с шипением вырывался воздух. Наверное, из оружия с глушителем. Оказавшись в беспомощном состоянии, шофёр одной рукой зажал рану на шее, а другой начал стучать по сигнальной кнопке на руле.

– Ту-ту, ту-у-у...

Несмотря на беспрерывные гудки, несколько машин промчались мимо «Волги», не заинтересовавшись даже, что произошло, какая нужна помощь. Улица Маяковского – один из тихих, безлюдных уголков города. Не видно даже прохожих. И машины, как сговорившись, пролетают мимо. Двигавшиеся навстречу «жигули» остановились: видимо, шофёр заподозрил что-то неладное, услышав гудки и увидев световые сигналы, подаваемые водителем «Волги».

– Что случилось, браток?

– Нас обстреляли, вот человек умирает, – сказал шофёр Нугаева.

Жители окрестных домов, потеряв терпение от непрерывных гудков, стали выходить из домов и собираться возле них. Хозяин «жигулей», понявший серьёзность положения, начал остальным давать указания.

– Здесь убийство, быстрее бегите к телефону. Звоните в ГАИ, в милицию, вызывайте «скорую помощь», пусть едут. Давайте, шевелитесь быстрее. А впрочем, ты, парень, не уходи пока, – задержал он одного. – Давай раненых перенесём в мою машину, обоих отвезу в больницу.

– Он, похоже, уже мёртв, – сказал высокий парень, взявшись за Нугаева.

– Нет, сердце как будто бьётся. Держи, поднимай... Вот так. Сам тоже садись, парень.

Через пятнадцать – двадцать минут вызванные к месту происшествия машины прибыли. Начались расспросы, проверка «Волги» с разбитым передком. Но что произошло, толком разобраться не смогли. Ясно было одно: на пассажиров «Волги» совершено нападение, через окно стреляли из огнестрельного оружия. Чьих рук дело, кто пострадавшие? Кто что видел? «Не знаем, не видели», – отвечает собравшийся народ.

– Кто не видел? Я, что ли, не видела? – Говоря так, растолкала толпу только что подошедшая крупная пожилая женщина. – Машина, которая чуть не задавила меня, наверное, одна из них. Точно они! Они-и-и...

Проверяющий взял за рукав толстую женщину и отвёл в сторону. Начал задавать самые важные в горячий момент вопросы.

– Подожди, товарищ милиционер, дай немного отдышаться. Умираю ведь, и так душа в пятки ушла. Сумка тяжёлая, молоко-катык набрала, – жаловалась тётка.

Но возможности ждать, когда она отдышится, не было. Проверяющий был крут. Женщина, оказывается, работает в больнице имени Вишневского. И до пенсии работала там. Когда шла домой по улице Шапова, на повороте на Маяковскую навстречу ей вылетели «жигули». Та новая, чёрт бы её побрал, «девятка». За ней показалась ещё одна машина. Обе чёрного цвета, как будто покрытые пылью. Вот та, которая ехала впереди, чуть не сбила тётку. А которая слева развернулась на перекрёстке и направилась вниз, в Собачий переулок. А эта, проехав немного, остановилась. Три парня, выйдя из машины, осмотрели разбитый зад, а один непрерывно кричал в телефон в руке. Затем, бросив женщине «не стой, не болтай», крепко выругался. Потом они уехали. Нет, тётка номер машины не заметила, а может, его и не было. Слева горела только одна фара, это она ясно увидела, больше добавить ничего не смогла.

Патрули на улице тоже не слышали ничего. Хотя из мобильного телефона в эфир было отправлено столько важных сообщений, что это дало бы возможность наступить им на хвост или даже встретить простым свистком.

– Я Фара. Барсук, Барсук, дай ответ!

– Слушаю.

– Стойте, как там?

– Порядок.

– Не доезжая до кольца, номера открой. Смотри, чтоб никого не было.

– Собачий переулок же здесь.

– Не болтай языком, номер, говорю.

– Открыли уже.

– Маршрут меняется.

– Слушаю.

– На Ленинскую дамбу не едешь.

– Что, что?

– Темнота. Слушай: наш задок повреждён, будете сопровождать. Ждём на углу Толстого. Живо!

К сожалению, прозвучавшие в эфире слова не дошли до многочисленных патрулей на улицах города, так как радики работали на разных частотах.

Уже через пятнадцать минут в лесу у посёлка Дербышки в «низине Сабантуя» языки пламени лизали «девятку» с разбитым задом. В ней сейчас уже не было нужды. Преступники пересели в другую машину и растворились среди каменных домов посёлка.

– Приблизительно сколько времени прошло с тех пор? – умолял проверяющий. – Поточнее не можете сказать?

– Точно скажу, почему же не сказать точно. Я сразу посмотрела на часы, подумала, когда я могла умереть. Часы показывали семь часов пятнадцать минут. Немного отдышалась, прислонившись к дереву, и вот потихоньку иду домой. Сейчас на часах без двадцати восемь.

– Вон как, – молвил проверяющий. – Что ещё можете добавить, тётя?

– Что ещё скажу? Это всё, что я знаю. Только тот кричал в телефон или радио. Расстояние большое ведь, что говорил – непонятно.

– Спасибо, тётя. Запишем ваш адрес, и можете идти.

Тут же по радио был отдан приказ останавливать все «девятки», все машины с разбитым задом, проверять людей, при разоружении преступников соблюдать осторожность. Здесь ещё не знали, что разбитая машина уже сгорела в лесу у посёлка Дербышки. Вторые «жигули» уже успели спрятаться в кирпичном гараже.

* * *

Похоже, небесная контора в конце старого года решила выполнить планы последних трёх лет, оставшихся невыполненными: снег то кружится, то метёт, то падает сплошной стеной. Порядочный человек в такой день и собаку не выпустит на улицу, а вот Тимержан Сафаргалиев в взбесившемся буране сам мучается как собака. Глядя на кучу меди, сваленной на краю железнодорожной станции Киндери, он заскрипел зубами. Не от холода, а от гнева. До его медвежьего туловища через дублёнку не пробьётся даже адский холод, за девять лет он не поддавался даже магаданским холодам. Кто распорядился, по чьему согласию выгрузили из вагона, скажи?! С каким трудом отправил он его из Челябинска, а в Прибалтике ждут этот подобный золоту металл.

Тимержан завтра же примет меры. И всё же надо уменьшить долю ответственности, упавшей на его плечи. Утопая в снегу, отправился к оставленной на краю асфальта «Опель Аскона». Вошёл в связь.

– Шахмиран, Шахмиран! Выйди на связь.

– Шахмиран слушает.

– Я – Торгаш.

– Что там?

– Груз скинули, в тупике валяется.

– Зачем это говоришь мне? Кто должен был отправлять?

– Снова этот Барсук.

– Поставь человека и к одиннадцати ночи явишься ко мне. Пару шкур сдеру. За то, что по всякому поводуходишь в связь, – сниму ещё одну, у тебя ведь семь шкур, дурак!

Здоровенный, столько лет живший среди магаданских бандитов лихой Тимержан дрожал как осиновый лист перед этой женщиной. Не только он, но и другие перед Шахмиран передвигаются на четвереньках, ползком и лижут ей пятки. Попробуй не лижи, если дал промашку. Исчерпав все способы для оправдания, несмотря на то, что носит кличку Торгаш, Тимержан снимает брючный ремень и вручает его Шахмиран, поднимает рубашку, оголяя спину. Та начинает драть. Это лёгкое наказание, поболит и пройдёт. Не то что со сломанными руками-ногами по больницам.

Не забыть ему, как три года назад держал экзамен перед Шахмиран для поступления на работу в фирму «Татсиб», которую та возглавляла. Его спустили в подвал офиса. Оказалось, «подвал» – только его название. Большой зал, покрытый от пола до потолка коврами, без мебели. В середине зала – нечто похожее на стоящую на кончике хвоста змею. Что скажешь?! Высокая, стройная, с короткими светлыми волосами обаятельная девушка. Хотя эти качества девушки явно бросались в глаза, но своей одеждой она напоминает змею. Да ещё какую! Облегающий тело, разрисованный желтовато-красными линиями и зелёными листьями костюм поистине превратил девушку в змею. Может быть, этот костюм она специально сшила из змеиной кожи. Идёт это ей, глаз невозможно оторвать от неё, тут же завораживает. Говорят, мифическая змея-василиск так же завораживала людей. Права, наверное, древняя легенда, оставшаяся в народной памяти.

Девушка, тьфу, нет же, василиск, улыбаясь, играя глазами и губами, некоторое время разглядывала Тимержана и начала потихоньку вращаться на одном месте, привела в движение руки, ноги и всё тело. Мол, посмотри внимательно, кто я такая. Внезапно закружилась. Потом началось... растянулась на ковре, начала гнуться-разгибаться, выделять акробатические трюки, головокружительные фигуры. Ложится навзничь, вытянув вверх бугристые от мышц толстые бёдра, выделяет разные движения. Затем перекачивается через голову, опирается на одну руку и машет ногами как ветряная мельница. Несколько устав, выпячивает зад, возбуждая тебя, вдруг, обняв колени, превращается в кольцо и катится колесом по коврику.

Надоело, похоже, змее ползать. Она встала, потянулась. На этот раз улыбка её была холодной. Твёрдой походкой она подошла к Тимержану и, всем видом показывая презрение, дескать, «что это такое», ткнула указательным пальцем ему в живот.

– Зачем тебе это нужно?

– Уй-й, умираю. – Тимержан согнулся.

Затем девушка выпрямила гостя и ударила по подбородку. На этот раз Тимержан рухнул на пол.

– Ах, тварь!

– На, обороняйся с ножом, мясная колода! – Вынув из ножен, девушка бросила ему кинжал с золотой рукояткой.

Тимержан не столько от боли, сколько от обиды и позора взревел. «Прикончу я эту проститутку», с этими мыслями он потянулся за кинжалом, поблёскивающим на ковре, встал и, оскалив свои жёлтые зубы, собрав все силы, бросился вперёд. Девушка-змея, мгновенно проскользнув у него под мышками, оказалась за его спиной. Тимержан, повернувшись, хотел было выпустить ей кишки, но в тот же миг кинжал бесшумно полетел к противоположной стене. Затем каким-то образом и сам распростёрся на полу. Как, и сам не заметил. Она не только змея, а аждаха¹!

– Встань, ржаная копна, – красотка пощекотала ножкой за ухом Тимержана. – Немного похудеть тебе надо.

– Вот тварь, а!

– Поболтай ещё, не то... Уберите его!

В зале, кроме них, никого вроде не было, но тотчас из двери возникли два парня. Они взяли Тимержана под мышки и вывели. Но за дверью их остановил огромный до безобразия пожилой человек в тёмных очках. «Немного терпения, ребята» – приказным тоном молвил он. Обращаясь к двум парням в кожаных куртках, стоящим позади него, он пояснил, что к девушке надо зайти втроём. Один из парней, шмыгая кровотоющим носом, отрицательно покачал головой в знак того, что не пойдёт. Человек в чёрных очках не стал разговаривать, вручил парням длинную верёвку.

---

¹ Аждаха – сказочный змей, дракон.

– Свяжите её!

Приказ твёрдый: на этот раз попыток сопротивляться не было. Ребята, видно, уже побывали там. Ничего не оставалось, как втроём встать на ковёр. «Терпите, не пожалеете потом, – наверно, это имелось в виду», – так думал каждый из них. Все трое бросились на девушку с трёх сторон. А та крутится как змея. Ходит по ковру на руках, ногами отбрасывая их, не давая подойти ближе. «Если поймаем и свяжем, несомненно – задушу её, пусть даже сяду ещё на пятнадцать лет», – думал в этот момент Тимержан. Только визг парня с разбитым носом остановил девушку.

– Хватит, – сказала она голосом, прозвучавшим с некоторым удовлетворением. – Ну-ка, где, покажи свой локоть.

– Иди отсюда, падла, я тебя всё равно прикончу!

– Ладно, может, так и сделаешь. А сегодня я вас всех троих беру на работу. И тебя, плаксу. Только брось эту привычку. В месяц один «лимон». Пока этого достаточно, думаю. А за сегодняшние мучения вон один ящик водки, по сто тысяч рублей аванс. Сейчас идите. В банкетный зал вас проводят. А ты, болтун, покажи свой локоть медсестре, наверно, вывих, скоро заживёт.

Что-то вспомнила, похоже.

– Минутку, – сказала она, остановив их. – Тому, кто будет хранить зло на меня, не предусмотрено и одного часа жизни, это зарубите на носу. Теперь можно выходить, порядок работы разъяснят.

Вот с этих пор вор Тимержан Сафаргалиев стал Торгашом. На Шахмиран зла не держит. Наоборот, работает с ней рука об руку. Однако при неверном ходе, если что-то не доделал, как надо, краешками ладоней, которыми Шахмиран целыми днями стучит по столу, она может и пройтись по бычьей шее Тимержана. Боится, наверно, Шахмиран потерять своё мастерство, поэтому тренируется на своих работниках.

Тимержан теперь знает: давший им верёвку для испытания был Аксакал. Основал фирму он. Теперь на заслуженном отдыхе, но показывается на фирме. И возраст порядочный: семьдесят лет стукнуло. Охраняет свою многокомнатную квартиру, золото и сокровища. Летом с личной усадьбой, расположенной на берегу Казанки, рвёт отношения. Там его владения охраняют Шамсутдин-абзый² и Хомайра-апай³. Они верные люди. Берегут его богатства и сами живут, как в ханском дворце.

Имя, фамилия Аксакала и кто он – тайна. Это знает только Шахмиран. Гаишники Высокогорского и Советского районов, когда проезжает «Волга» Аксакала, вытягиваются в струнку, отдают честь и желают счастливого пути. А Аксакал специально замедляет ход, и если на дороге нет большого движения, из окошка автомобиля протягивает им бутылку коньяка или шампанского и палку копчёной колбасы. На всех постах ГАИ это повторяется. Знают и уважают его за это.

* * *

За товаром в район Челябинска был послан Барсук. Отгрузить отгрузил, но дело не довёл до конца: вагон взял только до Казани, а сам улетел на самолёте. Здесь не организовал встречу вагона. Железнодорожники выбросили груз – медные провода – на снег. Теперь надо грузить снова. Миллионы долларов валяются на земле. Эта сумма больше годового дохода таких мелких фирм, как «Охотник», «Зарница», «Жаворонок», «Чарли Чаплин», «Красный петух».

---

² *Абзый* – обращение к старшему по возрасту мужчине.

³ *Апай* – обращение к старшей по возрасту женщине.

Сегодня Торгашу ремня не досталось, и по шее не дали – не до мелочей было. Шахмиран волновало другое: проделки Барсука три дня назад. Князь – Шамиль Бакаев – главарь всех мафиозных групп, обслуживающих «Татсиб», выложил всё до копейки. Он отвечал головой за своих подчинённых перед Шахмиран. Барсук, он же Альберт Галипов, снабженец мафии, хозяин мелких лавочек, самый жадный и ненасытный из всех воров.

Сначала я объясню читателю, что такое «Татсиб». Это возникшая при переходе на свободную торговлю и рыночные отношения крупномасштабная фирма татарстано-сибирской мафии. Она в своём названии имеет хитроумные слова «с ограниченной ответственностью», «инновационная». Следовательно, имеет право на работу с иностранной валютой, в то же время не несёт особой ответственности за совершённые преступные действия.

Конечно, чтобы не отвечать, надо не попадаться. А вчера нарушили этот неписанный закон. Значит, в озеро фирмы заброшен крючок. Надёжный агент Князя, Бакаева, – майор милиции Александр Алаев прояснил кое-что. Оказывается, уголовный розыск видит связь между смертью Нугаева и сожжённой машиной. Кроме того, последние два дня заявления о пропаже «девятки» ни от кого не поступало. Это не оставляло мысли о том, какая машина сгорела. А время происшествий совпадает до часов и минут. Правда, доказательств, за что можно бы уцепиться, нет. Преступники ещё до сожжения машины стёрли номер двигателя. Всё-таки надо быть настороже, проверка проводится по нескольким направлениям. Это дело поручили вести опытному следователю Самату Кильдебекову. Со слов Агента следует, что 21 декабря во вторник собираются выяснить, с какими магазинами, торговыми точками был связан Нугаев; с кем вёл переговоры, какие изменения произошли на местах. Наверняка Шомбытов попадёт на крючок, а через него и Барсук – Галипов...

– Дела швах, – молвил Бакаев.

– Ну, кто что скажет? – У красотки как будто глаза готовы выскочить из орбит. – Судить будем прямо здесь.

Участники ночного совещания явно струхнули: «Кому же Шахмиран собирается прочитывать отходную?» – думал каждый. Не то чтобы сказать слово, даже звук издать не смел никто. Языки прилипли к нёбу.

Основной виновник известен, не знает, что ли, об этом Шахмиран? Зачем других втягивать? Когда фирма вставала на ноги, занятия Альберта Галипова, в общем, были полезны. Он наводнил город будками, обложил все магазины, и небольшая прибыль имелась. Тогда все молчали. Было ведь сказано, чтоб не заниматься такой мелочью. Нет, он продолжает своё. Держит магазины в городах Зеленодольск, Челны, Альметьевск, Ижевск и даже в таких, как Шупашкар. И всё для себя. Что, денег ему не хватает? Вон в Салмачах какой коттедж отгрохал. Не как у людей – со спортзалом, бассейном, грибным питомником. Надо было обратить его внимание на то, что он слишком бросается в глаза. Сколько было сказано, чтобы порвал отношения с магазином «Чингисхан», – Барсук и ухом не ведёт.

– У него ведь уха нет, – пытался пошутить Торгаш.

Шахмиран только взглянула на него, и все стихли – пытаться перевести разговор на шуточный тон было неуместно. Оставив челябинское дело на полпути, занимается чёрт знает чем: с подачи Шомбытова лишил жизни человека. В чём виноват Нугаев? Человек согласно своему служебному долгу требовал выполнения решения. Всё правильно. Пока от Агента не успели поступить плохие вести, надо закруглять дело...

– Фару надо сохранить, – нарушила тяжёлую тишину Шахмиран, – он правильно сделал, что сжёг машину: не оставил улику. Такого виртуоза-шофёра трудно найти. Только неправильно поступил, послушав Барсука.

Все вздохнули с облегчением. Решение принято такое: «Альберта Галипова отправить в долгосрочную «командировку». Пусть оставит семье достаточно денег, но не говорит, куда едет. Это дело поручить приглашённым со стороны Мушке и Кинжалу. И в дальнейшем семье

Барсука оказывать материальную помощь. Это дело уже за нами. Директора магазина Ханави Шомбытова тоже надо присоединить к Альберту Галипову. Они ведь друзья – не разлей вода. В общем-то, основная вина на Шомбытове: он толкнул Галипова на убийство, не сумев придумать ничего толкового. Пусть лучше подружатся. И коттеджи рядом, свободного времени будет много, пусть отдыхают, плавают в бассейне или в Волге, если захотят...

Сгоревшую машину Фары позже кто-нибудь «украдёт». Надо объяснить ему, что это последнее предупреждение. Завтра же ему отдать «девятку» из НЗ в посёлке Отары. Пусть перекрасит в цвет мокрого асфальта и ездит по доверенности. Подумайте о номере». Так Шахмиран обрисовала планы на будущее.

Решили майору Александру Алаеву в качестве премии выдать приличную сумму денег. Свою работу выполняет хорошо.

* * *

В эти дни Торгаш разрывался на части. Ошибки, допущенные в конце прошлого года, искупил пятикратно и вернул потерянное было доверие. Спустя десять дней из Вильнюса пришла телеграмма: челябинские товары благополучно прибыли, валюта перечислена. А тем временем Торгаш успел съездить в Сибирь и привести с собой пятьдесят килограммов германия. В скором времени будут цирконий и бериллий. В Магадане, когда закупал бериллий, испытал дрожь в коленках, заподозрив, что бериллий каким-то образом связан с именем Берии. Здесь имена Сталина и Берии произносились слишком часто. Но его успокоили. А ему что, лишь бы был металл. Спрос постоянный.

Как было сказано ранее, дело, начатое с открытия на каждом углу киосков, раздражающих публику своими никчёмными, копеечными товарами, сейчас вышло на международную арену. Здесь нет таких вещей, как рэкет, грабёж и притеснение народа. Для фирмы «Татсиб» государство само создало широкие возможности – живи наслаждаясь.

Что такое этот германий? Кто знаком с таблицей Менделеева, знают, наверное. А для Тимержана Сафаргалиева, еле одолевшего семь классов, неведомо «с чем его едят». Для него это железки, нарезанные на куски с локоть длиной. Отправить их в Германию через Польшу не составляет для него никакого труда. Торгаша, имевшего за плечами семь классов и один коридор, безголовым не назовёшь! Он академик в своём деле! За два дня организовал отправку. На известном конезаводе в Марий Эл купил двадцать голов лошадей «Ту-04», погрузил их на два красных КАМАЗа, железки обвалывал в грязи и навозе, побросал под ноги лошадей, кинул несколько охапок сена – и айда пошёл! Через таможенную Бреста к полякам – и дуй дальше!

– Одним выстрелом убил двух зайцев, – похвалил его Князь, – а там как?

– Польские друзья ждут уже в Бресте. В Германию они переправят сами. Всё надёжно. Валюту поручил передать хозяину Варшавского рынка.

– Имеешь в виду Жавида Шарахтуллина?

– Именно его.

– Хороший парень, городская мэрия и полиция в его руках. За ним большие долги, надо это иметь в виду на будущее.

– Бериллий ведь ещё надо отправить.

– Просто предупреждаю.

Напрасно радовались и хвалились они; об их предприятии через Шахмиран стало известно Аксакалу. Какой был разговор между этими двумя тузами, никому не известно. Аксакал сказал только:

– Эти безмозглые не собираются ли поднять в воздух Казань?! Больше ко мне не приходи с таким невежественным примером, – обругал он Шахмиран.

Девушка не на шутку перепугалась: она только что поняла, с каким оружием они имели дело.

А отправляя Тимержана Сафаргалиева в город Глазов, в Удмуртию, дала ему задание изучить таблицу Менделеева и внимательно прочитать учебник физики за среднюю школу. Торгаш, отправляясь в новое, ещё более опасное путешествие, дал слово иметь в виду предупреждение Аксакала.

* * *

Удивительно большое разнообразие товаров в магазине «Чингисхан»! Чего там только нет! Полки, прилавки гнутся под тяжестью такого богатства. «Были бы деньги, – говорит пожилой покупатель, – можно купить здесь и живой товар». Раньше Самат Кильдебеков так не обращал внимания на полки магазинов. Много сейчас товару, были бы деньги, как выразился тот покупатель. Магазин полон народу: здесь и мелкие торговцы, и мафиозники, не поймёшь, кто чем занимается. В одном отделе продукты, в другом парфюмерия, бытовая химия, в третьем запчасти, машинное масло, далее ткани, одежда, кожаные куртки, хозтовары, импортные напитки, кондитерские изделия: всего не перечислить!

– Богато живёте, – сказал майор Кильдебеков после знакомства с директором магазина Шомбытовым.

– Стараемся для народа, слушай.

Шомбытов – мужчина средних лет, хорошо, со вкусом одетый; даже с уголком носового платка в нагрудном кармане. Иссиня-чёрные волосы копной падают на лоб, и это идёт ему, придаёт устремлённость вперёд.

Опытный следователь Кильдебеков с напускным безразличием взглянул на него. Что это: лицо у того побледнело, начал перебирать, перекладывать с места на место бумаги, лежащие перед ним, будто работника милиции видит впервые.

– Пожалуйста, я к вашим услугам, господин Рахимбеков. Так ведь сейчас говорят, нет слова «товарищ» – есть «господин».

– Не господин Рахимбеков, а майор Кильдебеков.

– Ой, ой, извиняюсь, слушай, виноват, – начал тараторить Шомбытов, – тысяча извинений, товарищ майор.

– Ничего, терпимо.

Директор быстро взял себя в руки, волнение исчезло, снова превратился в хозяина комнаты. Вышел из-за стола и, будто только увидев, с распростёртыми руками подошёл к Кильдебекову.

– Раздевайтесь, слушай, товарищ майор, вот сюда повесим. Садитесь вот сюда, сюда, вы ведь мой гость.

Хозяин приоткрыл дверь и обратился к секретарше:

– Слушай, Линуза, организуй нам быстренько по чашке кофе.

– Не беспокойтесь, пожалуйста, я уйду, – сказал Кильдебеков, стараясь не придавать официальной окраски встрече.

Словно этого только и ожидал Шомбытов, у него лицо тут же озарилось, будто зажгли электрическую лампу на пятьсот ватт.

– Говорю же я, вы мой гость, слушай, пришли раз в жизни по делу, так, пожалуйста, не уходите без чашки кофе. Не осталось порядочного торгаша, с кем можно посидеть и поговорить. Слушай, разные мафиозники, говоря прямо.

К разговору навёл сам директор, иначе как-то неловко было сразу брать быка за рога. Торгаши народ битый и так сразу с полуслова понимает, куда дует ветер.

– Извините, и у вас, похоже, они угнездились, – подхватил поверяющий.

– Надоели, слушай. Гоню их, а они, сами видите, уже грузятся, полные машины. Скандалят. «За аренду платим, куда теперь нам деваться, где свободная торговля?» – надоедают до чёртиков. «Решение Совета Министров, закон в моих руках», – говорю.

«С какой стороны подойти к нему, – решал Кильдебеков, – не насторожив его». Тем временем в комнате появилась секретарша, держа в руках небольшой разукрашенный поднос, на котором красовались отделанный со вкусом серебряный кофейник, две чашки, коробка шоколадных конфет и печенье. Девушка одета и накрашена, чисто живая манекенша, хоть сейчас на витрину! Поставила поднос на стол и бросила вопросительный взгляд на директора.

– А это мы спросим у гостя, слушай, – сказал директор с улыбкой, – может, в честь знакомства... того, товарищ майор?

– Вы уж слишком.

– Если разрешите, конечно.

– В другое время, – молвил Кильдебеков, желая продолжить разговор в дружеском тоне.

– Как хотите...

– Нам поручено, товарищ Шомбытов, ознакомиться вот с этими структурами в государственных магазинах, сами понимаете. Вы относитесь к моему участку.

– Очень хорошо, очень хорошо, слушай.

– Тогда проверим их списки вместе, потом я поговорю с каждым по отдельности. То есть где берут товары, имеют ли лицензии, сертификаты на товары и так далее.

– Конечно, без разрешения я в магазин никого не пускаю. За аренду необходимую сумму платят, это вы можете проверить, ни копейки себе в карман не кладу, – сказал директор, почему-то теряя спокойствие. – Теперь прогоню их, так велют сверху.

– Откуда «сверху»?

– Скажем, из торгова, из дирекции коммунальной собственности. Всем директорам магазинов доведён этот приказ.

Кильдебеков повернул разговор в другое русло, так как он уже поймал то, что ему нужно. Продолжал, чтобы не вызывать подозрения, прикидываться простачком. Сделал вид, что не заметил в списке фамилию Альберта Галипова, хотя она-то его больше всего и интересовала. Обострять не стал, пока решал, с какого конца нити начинать разматывать. По словам секретаря дирекции коммунальной собственности, три дня назад Шомбытов несколько раз поднимал шум по телефону по поводу этого клиента. Три слова на листке календаря, похоже, тоже о чём-то говорят.

– Какие же уходят сегодня? – поинтересовался проверяющий.

– Ну уходят уже, слушай. Трое-четверо успели уже погрузиться. Одного нет ещё, с утра звоню. Три дня назад поговорил с ним круто, бывают же такие бестолковые люди, слушай, избавлюсь так избавлюсь от них.

– Ладно, тогда я уйду. Если кто начнёт упираться, скажите мне, товарищ Шомбытов. Ещё наведу, если разрешите.

– О чём речь, слушай, двери всегда открыты. До свидания, майор-эфенди.

«Всё же не запомнил мою фамилию, кажется, этот тип, – подумал, выходя из двери Кильдебеков. – Что говорит! Ну уходят, говорит. Кто уходит, а кто скрывается, – не говорит ведь! Паразит! Придётся поговорить поодиночке с уходящими. Но только не здесь, чтобы у Шомбытова не вызывать подозрения. Придумает всякие версии, может, давно уже организовал алиби».

* * *

В одно время низкая зарплата работников системы внутренних дел, судов и прокуратуры привела к тому, что лучшие, опытные кадры юристов стали покидать работу. Особые трудности испытывали следственные органы. Некоторые дела лежали месяцами без рассмотрения,

особо срочные рассматривались поверхностно, и, таким образом, многие преступления оставались нераскрытыми. Это обстоятельство в переходный к рыночной экономике период привело к разгулу преступности, безответственности и безнаказанности преступников. Преступность росла, росло и недовольство народа. В итоге следственные органы оказались опустошёнными. Каждому следователю приходилось рассматривать по три-четыре уголовных дела. Когда Самат Кильдебеков принял уголовное дело, произошедшее на улице Маяковского, у него не был ещё до конца раскрыт эпизод с сожжённым «москвичом» в Лаишевском лесу. Правда, подозреваемые задержаны и находятся во временном изоляторе. Кое-что уже прояснилось: группа воров специализировалась на угоне автомашин. Их на окраине города в частном гараже перекрашивали, справляли фальшивые документы и продавали покупателям с Кавказа. В иных случаях «раздевали» в лесу, а кузов сжигали. Самат рассчитывал передать дело в суд, но всё задерживала очередь на единственную печатную машинку: дел много, всё надо успеть перепечатать. Вот и Саша Алаев, коллега Самата, всё жалуется на загруженность, просит совета и помощи, интересуется, как идут дела у других товарищей. Как-то, восхищаясь проворностью Самата, он поинтересовался, как тот организует свою работу. «Похвастать пока нечем», – был ответ, и тогда он притих, продолжая бормотать, жалуясь на себя. А так неплохой он человек, Саша, – вежлив, поручения выполняет хорошо и основательно. На совещаниях внимателен, указания начальства фиксирует в блокноте. Благодаря этим качествам быстро продвинулся по службе. Ещё не так давно был старшим лейтенантом, а сейчас догнал двадцать пять лет прослужившего Кильдебекова – майор!.. Но это, так сказать, к слову. Кильдебеков не завидует коллеге, ничем не отличает от других. Они работают дружно, лишними разговорами не занимаются. Двучленного Алаева такое положение вполне устраивает. Когда надо, он выдирает своё зубами-ногтями. Добыв нужную информацию, надевает поверх гимнастёрки спортивный джемпер и мчится куда надо.

В трамвае никто не догадывается, кто он, а когда направляется на службу, джемпер снова снимается с плеч. Хотя в общественном транспорте сейчас появляется редко: в гараже стоит личная машина. Теперь уже кончились жалобы на нехватку денег. «Жигули» сменил на «тойоту». Проезжая мимо гаишников, джемпер сбрасывает на заднее сиденье, говоря про себя: «Знай наших!»

На работе никому и в голову не приходит, что майор продался мафии и стал их агентом. Сам он не любит слово «агент» и просит Князя не называть его так, если только не по делу, когда не употребишь «майор Алаев». Александр Васильевич или просто – Саша, и всё: мало ли на улице Сашей, так решили с Шамилем Бакаевым. Договорились выходить на связь только в крайних случаях. Будут новости – он сам приедет к Князю.

– Что случилось, Самат? Ты в лице изменился.

– Голова что-то разболелась.

И на этот раз разговора не получилось. У Самата не было чем поделиться, а тот не стал излишне допытываться, чтобы не вызывать подозрения. Подвернётся ещё случай, Князь не останется без информации.

* * *

На другой день после посещения магазина «Чингисхан» Кильдебеков отправился на поиски хозяина магазина Альберта Галипова. Проживал он на улице Вишневского, но сейчас был в отъезде в командировке. Жена на работе, дети в школе. Дома была старушка-мать, она не знала, в какой город уехал сын, сказал только, что надолго. «Надо будет поговорить с женой», – решил Самат. Отправился в магазин, директора Шомбытова не было – не вышел на работу. Позвонили домой. Оказалось, не ночевал дома. Домашние сидели в тревоге: раньше такого с ним не случалось, особенно в зимнюю пору.

Для опытного следователя стало ясно, что от всего этого несёт душком. Он проанализировал события последних трёх-четырёх дней общения, разговоры с людьми, но не нашёл случая, когда бы он проговорился, но возможно... Кажется, всё тщательно продумал, а тому, что изредка перебрасывался словами с Алаевым, не придал значения. Таким образом, конец нити от клубка, разворачиваемого в магазине, затерялся. В руках Кильдебекова оставался лишь небольшой, с мизинец, кусочек. Единственный выход: разыскать Шомбытова. Наверняка он в Казани и должен объявиться когда-нибудь.

Нет, на что надеясь вышел Кильдебек из магазина? И Шомбытов, и Галипов, наверное, не бродят просто так по улицам. Скорей всего, организуют алиби, заматают следы. Не может директор просто так сбежать, бросив магазин, если прямо не замешан в деле. Надо в первую очередь наступить на хвост Галипова. Кильдебек вернулся в магазин, у заведующего отделами выяснил место нахождения торговой точки Галипова. Подошёл к девушке-продавщице.

– Скажите, пожалуйста, от какой организации торгуете?

– Ни от какой организации.

– Название фирмы спрашиваю.

– Не знаю.

– Кто ваш хозяин?

– Какой хозяин?

– Вас кто сюда поставил?

– Зачем это вам?

– Я проверяющий, вот моё удостоверение, – сказал Самат, пытаясь смягчить разговор с девушкой.

– Ну и что? Мне нет до вас дела.

«Смотри, как разговаривает эта дрянь, несмотря на молодой возраст, успела хорошо набобачиться. Вдобавок закурила сигарету и начала пускать табачный дым в лицо проверяющего. Ну, проклятая, была бы ты мужчиной, получила бы ты обратно свой дым, как это мог сделать сержант Ковалёв». Вспомнив сержанта Ковалёва, Самат успокоился, повеселел и даже не смог скрыть улыбки.

Однажды в рейде, часов в одиннадцать вечера, они проезжали по Кировской дамбе. На той стороне железной дороги увидели какой-то силуэт. Решили проверить: не пытаются ли ограбить вагон. Лёгкий на подъём сержант Ковалёв в два прыжка очутился на месте. Подозрительного оторвал от снега и сунул ему кулак под нос, чтобы не издавал звука. А наполовину в сугробе женщина повернулась голым задом и что-то начала искать, бормоча:

– Ты что, Ваня! А Вань!

Ковалёв не выдержал, ударил её по мягкому месту кожаной перчаткой, да так, что оставил отпечаток пятерни. Женщина, несмотря на свою вину, как эта девушка-продавщица, повела себя независимо, начала возмущаться. Дескать, кому какое дело, вот пожалуется начальству и тогда узнаете. Ковалёв пытается доказать, что придорожная зона тоже общественное место, но разошедшаяся женщина не хочет даже слушать. Пришлось их доставить в отдел внутренних дел и составить протокол о случившемся. Оказалось, что они оба семейные люди. Только тогда, когда это выяснилось, женщина пришла в себя, стала извиняться, просить, чтобы мужу не сообщали. Ковалёв, как бы ни был зол, не стал упрячиться, порвал протокол...

Надо было отрезвить эту «крапивницу», не доводя ситуацию до протокола.

– Возможно, у вас нет дела до меня, но у меня есть и очень важное, – сказал Самат, не оставив места для выкрутасов, – отвечайте на вопрос, или я вас сейчас же заберу в отделение. – Так кто поставил вас сюда?

– Альберт.

– А фамилия?

– Я не знаю. Ей-богу.
– Не Галипов?
– Может, так, не спрашивала.
– Тогда скажите, где этот Альберт работает?
– Он мне только товар привозит и выручку забирает.
– Каждый день?
– По-разному бывает. Вчера совсем не показывался. Вы всё узнаете у директора, он, наверно, знает, – сказала девушка, потеряв былую горячность.
Давно так надо было.

«У продавщицы ничего толком не получишь – это понятно. Может, она на самом деле ничего не знает, кроме продажи товаров. Если курит, то и выпивает, наверно. Возможно, и остальным занимается эта жар-птица», – подумалось Самату.

– В ресторане во время ужина ничего не говорит, что ли, Альберт?

Девушка съжила плечи и уставилась на него, пытаясь уразуметь, что пытается узнать проверяющий.

– Там у нас другая тема, – сказала продавщица.

– Например?

– Ну, то да сё...

– Интимные вопросы?

– И эти.

– При поступлении на работу писали заявление?

– Какое заявление ещё?

– А где трудовая книжка?

– Зачем она мне, деньги платят и ладно.

На самом деле, похоже, девушка взята с улицы. Проверяющий спешил задать последний вопрос.

– Альберт вам не говорил, что на днях торговля прекращается?

– Нет.

– Ладно тогда.

– Нас увольняют, что ли? – прокричала девушка вслед за Саматом.

Он отвечать не стал, только махнул рукой.

Мотанье возле магазина не дало результата. Теперь надо найти жену Галипова. Она не могла не знать, где он работает, куда уехал в командировку. Последний луч света идёт оттуда.

* * *

День рождения... В моде сейчас отмечать дни рождения. Некоторые эти торжества проводят два-три раза в год. Одни для сбора подарков, другие для угождения начальству в надежде сделать шаг выше по служебной лестнице. В любом случае расходы на торжества вернутся сторицей.

Вообще, зачем нужны такие торжества? Сначала надо прикинуть, кто родился. Зачем он явился на белый свет? Кем он является на земле? Чем сегодня занимается? Большим ли делом? Полезно ли оно другим, обществу? Чем думает заняться в будущем? В первую очередь надо выяснить, какое место он занимает в обществе. Может, подытожить проделанное за свою жизнь и отметить это, если человек достойный. Но ни в коем случае не круглые даты. Сейчас ведь каждый год, начиная с рождения, устраиваются шумные застолья. Даже для тех, кто сидит на шее у родителей.

Однако эти торжества по случаю чьих-то именин, похоже, собираются проводить на весьма высоком уровне. Фирма «Татсиб» для проведения торжеств арендовала ресторан

«Акчарлак» на месяц раньше срока. Также были даны заказы на оркестр, артистов и танцовщиц. Несмотря на обилие еды и питья в самом ресторане, были доставлены виноград, арбузы, дыни из Ташкента, двадцатипятилетний коньяк из Грузии, живая форель и бальзам из Прибалтики. Зажаренных целиком поросят подавали стоящими на ножках; фазанов, тетеревов – с крыльями.

За два дня до торжеств был объявлен «санитарный день». Всё было вымыто, прибрано. Занавески, скатерти обновлены, зал осыпан цветами.

– Свадьба, похоже...

– Интересно, чей сын женится?

– Наверно, какого-нибудь начальника.

– Возможно, едут из-за границы: из Аравии или Японии.

– Говорят же, день рождения.

– Но этого не может быть: кто сможет поднять такие расходы, – судачили работники ресторана.

– За свои шестьдесят четыре года я такого не видела, – сказала одна посудница.

Наконец, долгожданный день наступил. Площадь перед рестораном заполнилась машинами «жигули», БМВ, «вольво», «тойота», «мерседес», «хонда», «Опель Аскона», «ситроен». Вышедшие из машин хорошо одетые надменные мужчины, расфуфыренные шумливые молодые женщины исчезли в дверях «Акчарлака». В зале в загадочном сумраке их встретили звуки «Восточного танца» нашего известного композитора. По обе стороны зала расставлены столы, посередине оставлена площадка для танцев. Оркестр, расположенный на низкой эстраде, гремит непрерывно. В конце зала под высокой, упирающейся в потолок пальмой стоит длинный стол. За столом, как раз посередине, сидит умопомрачительной красоты девушка в обтягивающем тело чёрном с блёстками платье и таком же тюрбане на голове. Круглые блёстки при падающем на них свете мерцают как кораллы, рассыпая тысячи искр вокруг. На лбу к тюрбану приколоты бриллиантовая брошь, светящаяся как маленькое солнце. По обе стороны девушки расположились парни, такие же красивые, ловкие. Угадывают по движению глаз хозяйки, что ей нужно, и тут же передают в зал её распоряжения.

– Смотри... это же наша Шура!

– Тише, дурак!

– А идёт ей.

– Ну!

– Сидит, как царица Екатерина.

– Сказано, не распускай язык.

Из их разговора понятно, что они новенькие – мелкая сошка. Кто их позвал сюда, неизвестно. Возможно, кто-то пригласил, чтобы показать, приучить, а они ведут себя, как на улице. Недаром сказано, что сколько волка ни корми, всё равно в лес смотрит.

– Клянусь, они хотят выкинуть что-то, – молвил тот болтливый парень.

Собеседник резко отрезал:

– Ещё одно слово, падла, и выкину тебя отсюда!

– Всё, всё... сказал тот, взял в руку свою рюмку и замолчал.

За столиками, где сидела мелкая сошка, разговоры велись в таком ключе. За столиками, что посередине, вырывались слова типа «киря», «бабки», «лимон», «лимузин». Читатель, возможно, не знает, что на жаргоне эти слова означают «друг», «доллар», «миллион», «иномарка». Сидящие в первом ряду мужчины постарше, солидные, с животами, и хорошо одетая, со стройными фигурами молодёжь с сознанием своего достойного положения откинулись на спинки своих стульев, спокойно ожидая начала торжества.

Услышав шум и голоса со стороны «мелкой сошки», они одним взглядом устанавливают тишину. Вот девушка хлопнула в ладоши. Оркестр и зал умолкли. Сидящие выпрямили свои

спины и устремили взгляды на девушку. Она встала и взглянула на свои с переливающимися бриллиантами часы.

– Вход можно закрыть, – сказала она, кивнув в сторону швейцара.

– Он заперт.

– Уважаемые друзья, – начала девушка, оглянув зал. – Мы впервые собираемся подобным образом. Хотелось бы, чтобы серьёзность, величие и крайнюю знаменательность этого события вы поняли своим сердцем. Это не простое торжество, это день рождения всенародно уважаемого нашего Аксакала!..

Зал стоя долго аплодировал. Послышались возгласы:

– Да здравствует Аксакал!

– Где сам? Просим самого!

– Будет, когда придёт время, – сказала девушка, продолжая свою речь. – Сейчас я предлагаю первый тост в честь нашего Аксакала, его здоровья. Пусть природа наградит его долгой жизнью! Крепким здоровьем! Пусть будет суждено через тридцать лет отметить его столетие!

– Присоединяемся!

– Аксакалу слава!

– Ура-а-а!..

Застолье продолжалось в таком приподнятом настроении, с тостами одни краше других. Однако виновник торжества, который должен был выступить с ответным словом, всё ещё не показывался.

Оркестр играл, артисты пели, гости, выйдя на середину зала, танцевали. Пили, ели, ещё танцевали. Некоторые успели хорошенько набраться. Это те, которые ближе к выходу, – их быстренько проводили. А так большинство не выходило из рамок – хорошо знали, на каких торжествах находятся.

– А кто же этот Аксакал? – поинтересовался недавно работающий на фирме.

– Сопли не высохли ещё, всё знать.

– Всё же надо бы увидеть.

– Если отходную тебе прочитают, может, и увидишь. Давай поднимем ещё по одной.

В зале снова установился полумрак. Заиграли разноцветные снопы огня. На середину низкой эстрады вышли семеро девушек, одетых в прозрачные платья. И сетчатые платья, и нижнее бельё в обтяжку отнюдь не были предназначены скрывать прелести девушек. Стройные фигуры, красивые движения вводили в соблазн присутствующих в зале. В заключение девушки исполнили «Восточный танец». Затем выступающих на эстраде сменила молодёжь, сидевшая за столом: мол, чем мы хуже? Танцы, начавшиеся с повисшими на шее парней девушками, через некоторое время кончились ползанием на четвереньках между ног, плясками с приподнятыми узкими юбками и задранными на голову длинными платьями. Шура сразу учуяла в этом дешёвку и низкопробность. Как и в первый раз, она хлопком в ладоши установила тишину.

– Может, вам кровати прикажете поставить? – зло крикнула она.

Гости, казалось, протрезвели. Шура медленно обошла столы, бросив на каждого испепеляющий взгляд: не забываете, дескать, перед кем танцуете. Её так и поняли.

– Попробую уговорить самого, – сказала она, направляясь вправо в банкетный зал.

Оркестр тихо заиграл «Тафтиляу».

– Аксакал любит эту песню, это его гимн, – сказал Шамиль Бакаев, обращаясь к Тимержану Сафаргалиеву, только сегодня вернувшемуся из сибирской командировки, – обрадуется ещё, когда узнает о твоих успехах.

– Не будем говорить на эту тему. Он сейчас не лезет в наши дела.

– А следит.

– Это есть.

– Если ошибёшься, найдёт и наказание.

– Ну тебя, скажи «тьфу-тьфу».

– Давай, держи бальзам. Не скиснуть бы тебе после того, как проводишь Нурию...

Друзья не успели закончить разговор, как из банкетного зала показалась Шура. Она быстро направилась в середину зала, подав знак оркестру играть тише.

– Bravo!

Послышались аплодисменты. Вон, оказывается, каков Аксакал! Ростом под два метра, в ширину как голландская печь, крупная голова с густыми седыми волосами, внешность напоминает величественную фигуру азербайджанского поэта Самеда Вургуну. Огромный орлиный нос на широкоскулом лице, кажется, добавляет привлекательности. А вот какие глаза, определить нельзя: несмотря на сумрак, глаза закрыты синеватыми очками. Во рту с толстыми, как у негра, губами дымит гаванская сигара. Живой паровоз! Дымом от сигары не затягивается. Что бы ни делал, всё к лицу ему.

Вот это человек! Вот это личность! Таких даже в президенты выбрать было бы не зазорно. Обратите внимание на внешность, походку, телодвижения: величественность, решительность, властность сквозит во всём. Ступает тихо, осторожно, будто опасаясь провалить пол. Держит себя свободно, независимо, чувствуя своё превосходство над другими. Порой кажется простым, но в то же время излучает какую-то странную мощь, зловещую таинственность. Как будто для того, чтобы это не вырвалось наружу, по бокам его охраняют такие же, как он сам, могучие молодцы. Место его, конечно, рядом с Шурой. А парни заняли места по обе их стороны. Время настало. Шура слегка растерялась, так как не была мастерицей произносить речи. Похоже, переживала, что не сможет найти красивых, подходящих слов для Аксакала.

– Если где-то скажут, что есть гигантская личность, то это будет наш уважаемый и почтенный Аксакал, – начала Шура, собравшись с мыслями. – Спасибо, тысячу раз спасибо за то, что, уважив нас, вышел в этот зал. Наш Аксакал больше пятидесяти лет своей жизни посвятил служению нашему народу. Только недавно я дала ему слово не выступать с речью, но, что делать, нарушаю обещание, так как в этот вечер не сказать слово в честь юбиляра – грех. Вы меня, конечно, понимаете, друзья, мы за всё, за всё в долгу перед Аксакалом, всех нас он вывел в люди. Пожелаем ему долгой жизни и крепкого как сталь здоровья! С юбилеем Вас, Аксакал! На радость нам живите ещё долгие годы, будьте здоровы!

Шум, поднятый в честь юбиляра, крики «ура!», звон бокалов, здравицы заполнили зал. Не раз видевший такие поздравления Аксакал поднял обе руки, призывая зал к тишине.

– Спасибо, господа! Остальное излишне.

И на самом деле в шестидесятых – семидесятых годах каждое посещение начальством «низов», то есть районов, колхозов-совхозов, выливалось в торжества. Пора прекращать подобные празднества, мешают работать.

– Минуту внимания, – сказала Шура, пытаясь успокоить зал. – Наш Аксакал ещё и поёт изумительно красиво.

– Просим, просим! – подхватил зал.

– Просто умоляем!

– Осчастливили бы нас ещё раз.

Такого юбиляр не ожидал. Его песни все вроде уж спеты. Что делает эта молодёжь?! Он бросил любящий взгляд на Шуру, как бы с укоризной покачал головой.

– Ну тебя, Гулышагида!

– Одну только песню, какую сами пожелаете.

Аксакал посмотрел по сторонам, растрепал свои густые волосы, подумал немного, ладонями сжав подбородок, и расхохотался громким голосом.

– Тогда удивлю я вас. Мы в молодости так веселились. – И запел какую-то старую песню с непонятными словами:

Ай, шалышым, шалышым,
Көлгә пешкән калашым,
Сән кәлгәндә, Асабай, Асабай,
Тай суярмын, Асабай.
Ишек алдым шукуршык, шукуршык,
Шайтан казыган, Асабай, Асабай.
Икемез дә бер буйда, бер буйда,
Мәүләм язган, Асабай, Асабай.

Голос юбиляра был низкий и, несмотря на возраст, очень сильный, мощный, с красивым тембром. Пел он с большим чувством. Зал был пленён таинственностью песни. Мало кто понимал её смысл.

После пения зал, затихший на некоторое время в недоумении, придя в себя, снова начал шумно приветствовать Аксакала. А я сидел, боясь, как бы не обрушился потолок «Акчарлака».

Дорогой читатель. Эта песня и мне знакома. Я знаю историю, каким образом она запала в сердце юбиляра. В начале пятидесятых годов прошлого века в Казанской Высшей партийной школе учился некто Амир Шахназаров из Альметьевского района. Был на войне. Вернувшись с войны, с головой ушёл в работу. Благодаря своим способностям быстро вырос с колхозного бригадира до заведующего отделом райкома партии. Потом в Казани повышает знания. Слушателями партшколы были в основном семейные мужчины, а среди женщин преобладали оставшиеся из-за войны в старых девах или так называемые «соломенные» вдовы, не желающие себя обременять семейными узами. Хотя альметьевский парень был ещё холост, в свои под тридцать лет почему-то со своими однокашниками у него не складывались отношения. Он каждый вечер отправлялся в общежитие пединститута, расположенное на Товарищеской улице. Несмотря на некоторую внешнюю привлекательность, на длинного, как жердь, слабого и худого парня свои девушки не обращали внимания. Говорили с издёвкой: «Чем ходить с этим балбесом, лучше ходить с палкой в руке».

К его счастью, в институте учились и татарские девушки, приехавшие из Румынии. В одну из них он безумно влюбился. Песню «Асабай» он у неё и выучил. Что поделаешь, в ту пору не разрешалось заключать браки с иностранцами. После окончания учёбы девушки, оставив в сердце глубокие раны и непроходящую тоску, уехали на свою родину. Вот уже сорок лет Амир Шахназаров во время застолий успокаивает свою душу этой песней.

Правда, однажды сделал попытку увидеть её. Когда изменившиеся порядки открыли путь за границу, он взял путёвку и поехал в Румынию. Однако девушку он не смог увидеть: во время беспорядков семьдесят седьмого года она уехала в Америку. После неудачного и досадливого путешествия душа у Амира немного успокоилась и притерпелась. И всё же в глубине сердца остался чистый ключ, способный временами извергать тоску.

* * *

У Амира Шахназарова в Казани есть ещё одно место, пробуждающее струны его сердца. Оно находится на пересечении санатория «Казань» и трамвайного парка. Проезжая мимо, он, будь то зима или лето, высовывает из окна машины свою большую голову и приветствует окна углового пятиэтажного дома. Правда, знакомых Амиру окон давно уже нет. Их в смутные времена заделали и даже заштукатурили. Сейчас только следы остались чуть-чуть заметными, но этого вполне достаточно для обновления воспоминаний. Возвращаясь с именин, он ещё раз проводил взглядом этот дом. Об этих событиях мы расскажем позже.

После окончания Высшей партийной школы Шахназарова без пленумов, конференций и других формальностей назначили первым секретарём партии одного крупного отдалённого района. Ему как руководителю было не корректно не иметь семью, и он в течение месяца, подавив в своём сердце огонь любви, оставленный румынской татаркой, женился на очень скромной, с терпеливым характером, одинокой, как и он сам, библиотекарьше. Жили тихо, без искромётных страстей. Друг за дружкой родились сын и дочь. Жизнь текла на свой лад. Жили, в общем, хорошо, без размолвок, но и без кипучих чувств, выполняя свой родительский и семейный долг.

Годы шли, дети выросли и вышли в люди. Сын стал лётчиком-испытателем, живёт на Украине. Дочь после окончания медицинского института вышла замуж за узбека – выпускника юридического факультета Казанского университета, и они уехали в Среднюю Азию. Наступило душевное опустошение. Но, как говорится, свято место пусто не бывает. Ещё когда дети учились в институтах, в районе появилась стройная, красивая девушка. Она была направлена в район после окончания физико-математического факультета пединститута. Жаждающий настоящей любви Шахназаров сразу заметил её и начал действовать. Долго не мешкая, определил её вторым секретарём райкома комсомола. Отправляясь в колхозы-совхозы, иногда по пути подвозил её на своей машине. Шутил, смешил, рассказывая разные истории и анекдоты, среди которых были довольно солёные и вовсе без соли. Девушка не сердилась: можно ли обижаться на такие пустяки. Как-то секретаря Диляру Самитову (так звали девушку) Амир Шахназаров попросил подняться на второй этаж в свой кабинет поговорить о делах комсомольских. Посоветовал почаще бывать в низовых организациях.

- С транспортом плохо, – сказала Диляра.
- Где ваша машина?
- Первый пользуется, а сегодня стоит неисправный.
- По очереди выезжайте, я скажу ему.
- Хорошо было бы, Амир Мирзаханович.
- Иди собирайся, – сказал суховаато Шахназаров.
- Я сейчас...

Послав шофёра косить сено, Шахназаров сел за баранку сам. Отворив заднюю дверь, сказал: «Ты уж не обижайся, садись на заднее сиденье, так просторнее будет». Сам подумал: «Лучше реже попадаться на глаза сплетников, будет время, и на коленях посидишь». Не только сидеть, но частенько и поспать доводилось девушке на коленях у Первого. В лесу, в шалаше, сделанном из веток деревьев. Эти тайны хранят лесные поляны. Но долго ли терпеть шумному лесу?! Возможно, долго, если бы не перевели Диляру в райком партии на должность инструктора. А там работали наследницы времён войны, старая гвардия, опьяневшие от спеси, окончательно огрубевшие женщины. Дойдя до крайности от зависти, они потрясли мнение народа так, что Шахназаров вынужден был отправить успешную получить прозвище «моя красотка» Диляру Самитову в один крупный колхоз секретарём парткома.

Всё же «мою красотку» не забыл. При поездках в деревни останавливался в колхозе «Опора». Та цветущая поляна, где была их первая остановка, находилась во владениях этого колхоза. «Узик» секретаря парткома после осмотра колхозных пашен всегда поворачивал в ту сторону. Здесь не было «потрясающих» общественное мнение.

* * *

Несколько успокоившийся Шахназаров стал больше внимания уделять делам района. Благодаря требовательности руководителя район заметно продвинулся вперёд, доходы от полей росли, в каждом хозяйстве были построены крупные животноводческие комплексы. Здесь сыграли свою роль и связи с нефтяниками: асфальтирование дорог в основном было про-

делано ими. В Казань на совещания он теперь летал на их вертолёт. Привозить чёрную икру из прикаспийского города Атырау использовался тот же вертолёт. Для этого держал специальных людей. На территории района построил зверосовхоз для выработки ценной пушнины. После этого он стал желанным человеком в Казани. В подземный буфет обкома партии имели доступ только два первых секретаря, один из них первый секретарь Чистопольского горкома и второй – Амир Шахназаров. Он, родившийся в созвездии Козерога, уже тогда определил свою растущую судьбу. Остался ещё один рывок, и он достигнет своей цели. Что будет с Дилярой без него? Её просто съедят. Вызвав заведующего орготделом, распорядился собрать внеочередной пленум, а до этого третьего секретаря Тукманову перевести на должность директора какой-нибудь школы.

– А кого рекомендуем на место секретаря, Амир Мирзаханович? – поинтересовался заведующий.

– Есть предложение?

– Пленум же внеочередной, говорите.

Заведующий вроде не сказал ничего неуместного, так к чему подкалывать? Возникло неудобное положение, заведующий колебался: уходить или оставаться дальше.

– Что, если есть предложение, говори, – сказал Шахназаров, чтобы вывести его из затруднительного положения. – Успехи парткома колхоза «Опора» радуют. Думаю, человек созрел.

Заведующий понял даже с излишком. Решив дату внеочередного пленума, вышел из кабинета с головной болью по вопросу Тукмановой. Как снять хорошего работника? Надо же найти причину?! По примеру передовой ткачихи Гагановой послать на развалившийся участок для налаживания работы, так попытается объяснить Тукмановой. Другого выхода нет.

Внеочередной пленум единогласно избрал Диляру Самитову секретарём отдела идеологии райкома. Диляра приехала не одна, с ней была белокурая синеглазая девчушка лет пяти. До Шахназарова доходили слухи, что Самитова путалась с директором школы, но он как-то не обращал на это внимания, но сегодня, чтобы внести ясность, задал прямой вопрос Диляре:

– От кого ребёнок?

– Какое это имеет значение?

– А почему нет?

– Не могу же я остаться одна, Амир Мирзаханович.

– А как её зовут?

– Гульшагида. Имя взяла из книги Габдрахмана Абсалямова.

Шахназаров не стал вникать в подробности, только попросил привести показать её, и тем закончил разговор. А когда увидел малышку, подобную куколке, усомнился в своём отцовстве. Ведь и у директора школы волосы были каштановые. Поди разберись с этим!..

* * *

Отвлеклись немного: начали рассказ о казанском пятиэтажном доме, а вернее, об обкомовской даче, расположенной напротив этого дома. После того как Шахназаров устроился на третьем этаже большого дома, что на площади Свободы, то есть начал работать заводделом обкома, двери этой дачи широко открылись перед ним. Но вот казанские комсомолки не очень чувствовали разменявшего пятый десяток дядьку, а работающие в отделах высохшие, похожие на старых кляч женщины не были по душе ему. Устроил инструктором в обком опять Диляру Самитову. Что ни говори, любовь молодых лет – привычная спутница...

Дача построена для встречи московских гостей, но в их отсутствие секретари, более значимые заведующие отделами не покидают её. Баня истоплена, стол накрыт, кого хочешь, приглашай по очереди, отдыхай целыми днями, устраивай кайф. Лишь как-то чудно ведёт себя Диляра, она вроде одичала, стала привередливой. Пропустит пару рюмок коньяка, вдруг выбе-

жит во двор в чём мать родила, взберётся на крыльцо дома или спрячется за деревьями. Мол, догони, найди меня. Видно, находит в этом удовольствие. А окна пятиэтажного дома облепляют жильцы с криками, проклятиями и угрозами. Они-то и довели всё это до первого секретаря. Виновников обоих пожурили слегка, а у несчастного дома боковые окна трёх верхних этажей заложили кирпичом и замазали. Учитывая добропорядочность жителей нижних этажей, стены обложили разноцветной плиткой. Душа, видимо, горела у Диляры – неспроста она куда-то порывалась. Когда её дочь Гульшагида училась на последнем курсе финансово-экономического института, она внезапно умерла от скоротечного туберкулёза. Перед смертью она завещала Шахназарову:

– Дитя остаётся у тебя на руках, пожалуйста, присматривай за ней, пусть не чувствует себя одинокой.

Было у Амира желание узнать, от кого же дочь, но он не посмел потревожить Диляру перед последним вздохом. Представив директора школы, постарался успокоить себя.

Сразу после получения диплома Шахназаров девушку устроил в Высшую комсомольскую школу в Москве. Заодно, согласовав с первым секретарём и Центральным комитетом, определил заместителем директора комсомольского дома отдыха «Ёлочка».

У Гульшагиды дела пошли в гору, получила двухкомнатную квартиру, кроме стипендии шла и зарплата. В среде друзей её стали звать Шурой. От фамилии Шахназарова она отказалась. У Амира тоже родственные чувства сменились на дружеские. Его частые посещения двухкомнатной квартиры в Москве были связаны и с этим.

Диляру сменила её дочь Гульшагида. Шахназаров чувствовал себя помолодевшим на несколько лет.

В этих условиях, конечно, Шахназаров не мог оставить девушку вдалеке от себя. После окончания учёбы устроил её в зональную комсомольскую школу в Казани.

Шура Самитова в Москве общалась со многими, многому научилась и в Казань вернулась уже довольно шустрой и пронырливой девушкой. Эти качества в своём родном городе она смело продолжала совершенствовать. Она активно участвовала в тайно созданной в Молодёжном центре группировке «Тяп-Ляп», под руководством лидера группировки Жавдата овладевала запрещённым в те времена боевым единоборством «Карате». Она удивляла членов группировки своим упорством, умением преодолевать трудности, терпением, упрямством в овладении восточными единоборствами. Однако она не участвовала в разбойных и других преступных делах группировки, занималась только для себя.

Вскоре группировку «Тяп-Ляп» разгромили, осудили многих на разные сроки, а семерых головорезов, в том числе и главаря Жавдата, приговорили к смертной казни. Гульшагида один вечер проплакала по нему.

В стране начались перемены. Империя под названием Советский Союз распалась. Партия, правившая страной семьдесят лет, и её спутник – комсомол – прекратили своё существование. Но для Гульшагиды горя мало, дядя Шахназаров пока жив, найдёт выход.

* * *

Способ быстрого обогащения прост. Не имея в кармане ни гроша, получаешь разрешение на открытие торговой точки. Можешь её назвать каким-нибудь предприятием, акционерным обществом или, ещё лучше, благотворительной организацией. Берёшь кредит, добавляешь свою месячную зарплату и едешь в Москву. Там с Божьей помощью покупаешь у грузин вагон лимонов или апельсинов по одному рублю за килограмм. В Казани сдаёшь всё это оптом в торговую базу или магазин. В крайнем случае на базар. По цене пять рублей за килограмм. Те продают по семь. После раздачи долгов и прочего у тебя в сухом остатке получается сумма, на которую можно купить ещё один магазин вместе с товарами. Это – первый шаг, начало дела.

Далее у друга или свата, или у бизнесмена Шамсурина, или ещё кого другого из Набережных Челнов получаешь несколько КАМАЗов в счёт благотворительного фонда. Только и всего. Ты уже хозяин большой фирмы, сидишь в солидном двухэтажном офисе, в банке открыт валютный счёт, имеешь свой фонд. Заполни городские улицы киосками, торговыми точками – никто не будет против, потому что ты человек уважаемой профессии – бизнесмен, человек авторитетный и высокого звания. Даже народный депутат. Может быть, сомневаетесь? Вспомните дядю Амира! Он, конечно, не ходил, не выпрашивал у кого-то деньги. Кое-какие у него водились и так. И в депутаты не лез. Но в течение полугода в его кармане уже была сумма, равная половине городского бюджета Казани. В данном деле не надо забывать о том, что в каждой отрасли должны быть надёжные сотрудники, помощники, готовые выполнить твои поручения. Что касается надёжных деловых людей, у Амира Шахназарова было с десяток таких дельцов. Ими руководил Шамиль Бакаев по прозвищу Князь.

Когда дела у фирмы наладились, хозяин приобрёл гектар земли на берегу Казанки и приступил к строительству коттеджа в три этажа с бассейном, оранжереей и рыбным прудом. Всё это должно быть скрыто от посторонних глаз высокой изгородью.

В один из выходных дней, когда на стройке не было рабочих, из города на двух «жигулях» пожаловала шайка рэкетиров. Вызвав хозяина, предложили:

– Поговорим с тобой, дядя, по-хорошему. Нам нужен вот такой участок, продай его нам, остальное достроим сами. Таким образом освободишься и от контрибуции. Ну что скажешь?

– У меня нет земли для продажи, – ответил Шахназаров.

– В таком случае пеняй на себя, ты здесь жить не будешь.

Много переживший, много видевший за свою жизнь Шахназаров несколько растерялся. Мелькнула мысль вклеить в лоб главарю шайки из спрятанного в толстой трости пистолета: «семи патронов с лихвой хватит на всех пятерых». Шумное дело. А если рвущегося Лорда освободить из цепи, всех передушит. Что же делать с этими?

Разговор Шахназарова с рэкетирами подслушивала стоящая с внутренней стороны забора Гульшагида. Она только что появилась там. Не выдержала, вышла к ним. Попросила знаками отойти в сторону дядю Амира.

– Сама буду решать, ребята. Я хозяйка дома, а вы подойдите поближе, хочу посмотреть, с кем имею дело.

Парни окружили её.

– Кто из вас лидер?

– Ну?

– Не нукай, ты, что ли?

– Поговорим о деле.

– Подойди поближе.

– Боюсь обмочишься.

Четверо парней хохотнули на остроту лидера, но подошли поближе. Шахназаров на всякий случай отвинтил пистолет с конца трости. В тот же момент Гульшагида издала несвойственный женщинам дикий крик и, взмахнув руками и ногами, положила всех пятерых на землю. Произошло это так быстро, что Шахназаров не успел даже разглядеть. Некоторые, поняв, что дела плохи, выхватили ножи и бросились на Гульшагиду. Но их ножи со звоном разлетелись в разные стороны, а сами согнулись, держась за плечи, затем со страшным стоном повалились на землю. Возникла паника среди нападавших, и они бросились бежать, пытаясь спастись. Но Гульшагида не дала им уйти. Догнав, каждого положила на землю ударом ноги в плечо.

– Не двигаться!

– Наверно, хватит, – пробормотал один, лежащий ничком.

– Лидер, как тебя зовут?

– Пёс.

– Слушай меня, Пёс. За всё отвечаю я. Вон тех двоих замухрышек быстренько отправьте в больницу. У них сломаны ключицы, больше не будут играть с ножами. Тебя и водителей не тронула. Все вы даже по ошибке не появляйтесь в этих краях! Грузитесь в машины! Знайте, я – Шура, буду вашей тётей Шурой, пожалуйста, не забывайте! А сейчас дёргайте отсюда!

Лидер рассадил своих корешей по машинам, и они без оглядки рванули в сторону города. Гульшагида на прощание сделала несколько сальто. Наблюдавший эту картину Шахназаров чуть не лишился разума. До этого он считал Гульшагиду скромной, беспомощной девчушкой. А она вот как разделалась с пятью амбалами-рэкетирами. Случай, не уместающийся в голове. Пистолет за ненадобностью был завинчен на своё место.

– Пойдём домой, – сказал хозяин, держась за рукав девушки, не в силах сказать что-либо другое. – Надо освободить Лорда с цепи, нельзя его держать на привязи.

– Они больше не появятся здесь, – сказала Гульшагида.

Только после чашки чая силы вернулись к Шахназарову. Нет, не от страха, о котором он забыл уже давно. Он был поражён спектаклем, поставленным Гульшагидой.

– Ты что молчала до сих пор?

– О чём это?

– Дерёшься не хуже самураев-японцев.

– Вот ведь появилась необходимость, – ответила девушка.

Оба, улыбаясь, смотрели друг другу в глаза. Амир руками, подобными крыльям ветряной мельницы, обнял Гульшагиду, блаженно грелся теплом её тугого молодого тела. На язык пришли ласковые слова, не произносившиеся уже много лет: «Красавица моя, радость моя, защита моя», – взволнованно произнёс он. В глазах промелькнул образ Диляры. Вот какую дочь подарила она Шахназарову.

– Как дела в Молодёжном центре? – спросил он.

– Разогнали нас. Дали трёхмесячную зарплату и до свидания. Я как раз об этом и пришла поговорить. Собираюсь ехать в Пермь.

– Нет, – отрезал Шахназаров. – Я тебя никуда не отпущу. И рта не раскрывай об этом. Завтра же посажу на своё место. Ты же видишь, как трудно мне одному. Вот и это надо довести до конца, – он кивнул в сторону недостроенного дома, – без тебя не получится. Я долго ждал этого дня. Знаешь, дочка, ты с этого дня не Гульшагида, не Шура, а Шахмиран, Белая змея – царица змей. Во время этой драки пришла мне в голову эта идея. Для меня ты останешься Гульшагидой, а в фирме пусть будешь Шурой, а всякие секретные дела будешь вести от имени Шахмиран. Нравится ли тебе самой новое имя?

– Шахмиран... Шахмиран – таинственно, конечно, и звучит красиво.

– Но кто кроется под этим именем – никому не должно быть известно. Смысл в этом.

– Как не знают Аксакала?

– Так точно.

Гульшагида в объятиях Аксакала расчёсывала ему волосы своей пятернёй, играла с его бровями. О сказанном внезапно относительно Перми забеспокоилась. Всё же как-то надо объяснить.

– Самое большее задержусь на полгода, защищу диссертацию и вернусь. Уже с Пермским университетом есть договорённость.

– В таком случае не возражаю, как-нибудь потерпим. Но долго не задерживайся, возвращайся быстрее. Здесь тебя ждут большие дела.

У Гульшагиды, кажется, были ещё кое-какие заботы, но невозможно открывать всё до конца. Вернуться-то она вернётся и работать будет, да ещё как!..

Свою тайну она узнала неделю назад, побывав у гинеколога. При уходе с работы она ещё не ожидала такого.

- Делать аборт уже поздно, – сказал врач. – Советую рожать.
- Мне ребёнок не нужен.
- Раньше надо было думать.
- Давайте делайте.
- Делать с опозданием опасно, не берёмся, – твёрдо заявил врач.

После этого Гульшагида связалась с Пермью. Заодно решила защитить диссертацию. Кандидатский минимум она сдала ещё будучи в Москве. Впрочем, в школе комсомола экзаменационные оценки просто переписывали, кто в этом нуждался. В Перми беременной женщине пришлось повременить с пополнением знаний. Опара быстро поднялась, тем временем протели четыре-пять месяцев. Гульшагида родила мальчика. Ребёнка оставить прямо в роддоме она не решилась. Зато ровно через месяц в газете «Вечерняя Пермь» появилось следующее объявление:

«Продаётся месячный мальчик, рождённый образованными здоровыми родителями. Недостатков у мальчика нет, телефон для связи...

Спросить Шуру».

Повергнув в изумление город Пермь, Гульшагида ровно через шесть месяцев вернулась в Казань чистой, нетронутой девушкой. Поклялась вести себя осторожнее, так как дитя долго не давало покоя, являясь во сне. Чтобы подавить тоску и депрессию, с головой ушла в работу. Аксакал всю работу фирмы взвалил на неё. Стал появляться реже и реже, и, наконец, превратился в советчика и консультанта. Всё это были события трёхлетней давности. Каким образом вела работу фирмы Гульшагида-Шахмиран, вы, наверно, догадались. Вы уже знакомы с методом подбора кадров для фирмы. Необходимое в такой работе злодейство она, как вы знаете, приобрела в «университете “Тяп-Ляп”».

* * *

У следователя лодка села на мель. Жена Альберта Галипова не знала, где он работает, куда уехал в командировку. Привёз зарплату за несколько месяцев и уехал.

- Сколько привёз? – поинтересовался Кильдебек.
- Он ведь хорошо работает.
- И всё же.
- По сравнению с дневной выручкой так, мелочь.
- А сказать нельзя, что ли?
- Почему нельзя, пять лимонов.
- Кто же теперь дневную выручку забирает и товар доставляет вашему продавцу, работающему в магазине «Чингисхан»?

Женщина насторожилась. «Лишнего взболтнула», – подумала она. Решила дальше помалкивать.

– Я не лезу в мужнины дела и вам больше ничего сказать не могу, – закончила она разговор.

Магазин «Чингисхан» закрыли на три дня на ревизию. По причине внезапного исчезновения директора Ханави Шомбытова в отделе внутренних дел открыли уголовное дело. Перед ревизией продавца Галипова посетил какой-то молодой человек. «Шмотки заberi и исчезни отсюда, расчёты оставь у себя», – предупредил он. Девушка-продавец пыталась оказать сопротивление, но неизвестный сказал, что это указание Альберта. У Самата в магазине оставался свой человек, который наблюдал за посетителями. Он последовал за тем молодым человеком, который скрылся в киоске на улице Декабристов. По просьбе Самата в один из дней, когда подозрительный молодой человек находился в киоске, представители ОБХСС произвели там проверку, узнали, что там за люди, проверили документы. Заинтересованным лицом оказался

Виктор Матвеев. Нигде не работает. По его словам, устроился помогать в киоск хотя и за небольшую плату. Прописан в посёлке Васильево. Теперь он может свободно ходить под прищмотром Кильдебекова.

Знакомство с результатами ревизии и положением в магазине дало некоторое представление о тёмных делах Шомбытова. Плату за аренду торговых точек он брал для отвода глаз. Эта часть входила в бюджет магазина, здесь всё в порядке. Но необходимые суммы текли прямо в карман Шомбытова, в том числе и двадцать пять процентов с выручки. У магазина шесть таких точек, у каждой месячная выручка – около двух-трёх миллионов рублей. Таким образом, месячная выручка Шомбытова, только с этой стороны, составляет столько же. Задумаешься тут, Кильдебеков, имея дело с такими людьми. Судьбу подобных Нугаеву решают именно они. Их ты, Кильдебеков, должен знать. В управлении внутренних дел вручили телеграмму из Удмуртии:

«Прибыл в город Глазов тчк Объект под наблюдением тчк Продолжает
встречаться с друзьями тчк Все в порядке тчк
Самигуллин тчк»

Таким образом, разоритель торговой точки Галипова добрался до Урала. Значит, безработному нашлась работа, безгрешен этот Матвеев. Хотя что можно ждать от человека, отбывшего два срока: четыре и семь лет. А Самигуллин молодец, многие вопросы решает самостоятельно, своей головой. Взял и поехал за Матвеевым, не успел даже оформить командировку. Только в спешке не испортил бы дело. Может, на помощь ему послать человека. Если происходит много встреч, ему одному будет трудно. Кильдебеков с этим предложением отправился к заместителю министра. Полковник одобрил его, и срочно была организована постоянная связь с Министерством внутренних дел Удмуртии.

Вот тебе ещё одна новость! В лесу около Салмачей обнаружены два трупа. Охотничья собака выкопала. Хозяин собаки позвонил с городского уличного автомата. Назвал имя, фамилию и обещал ждать на улице Космонавтов. Кильдебеков присоединился к оперативной группе.

Эти места теперь уже трудно назвать лесом: деревья потеснены дачами, коттеджами. Но в глубине ещё довольно густо теснятся орешники. Охотник эти места знал хорошо и очень быстро привёл оперативную группу к месту преступления. Недавно здесь побывала машина: следы на месте поворота хорошо заметны. Преступники тащили свои жертвы по снегу волоком. И это заметно, несмотря на то, что многое было замечено бураном. Следовательно, они были убиты в другом месте, привезены и брошены здесь. Тела убитых вытащили из-под снега. Один был одет в спортивный костюм, на другом – чёрный пиджак, белая рубашка и синий галстук. У первого была разбита черепная коробка, и весь он был в крови. У второго не было ни одной царапины, лицо чистое, красивое. Такое впечатление, будто он невзначай прилёг около трупа.

– Ханави Шомбытов, – сказал Кильдебеков, как только перевернули труп. – А я его ищу по всему городу.

– А кто же другой, товарищ майор?

– Его, возможно, опознает жена, дети и восьмидесятидвухлетняя старуха-мать, которых мне искренне жаль, – загадочно ответил Кильдебеков.

У Шомбытова обнаружили пулевое отверстие на груди прямо на уровне сердца, а у другого ещё и ножевое ранение в сердце.

Трудности расследования были ещё впереди. Придётся побеспокоить людей невиновных, хоть это и неприятно, но иного выхода нет. Начать надо с жены Галипова, она немного знакома с обстоятельствами, не запаникует, но неожиданность с Шомбытовым будет тяжёлым ударом. Галипова ключей от дачи не нашла. А ехать, проверить надо. «Там что-нибудь придумаем, – сказал Кильдебеков. – По пути купим новый замок. Есть подозрение, не ограбили ли вашу

дачу, не ехать нельзя». Женщина согласилась, дверь на даче была заперта. Когда её взломали, перед глазами предстала жуткая картина. Капли крови начинались уже с порога. На полу лужи крови, брызги крови и на стенах. Женщина, увидев это, без чувств повалилась на диван. В глубине стол с остатками трапезы. Там и коньяк, и водка «Распутин», и другие напитки и закуски. Видно, хорошо гуляли. Но это была не дружеская попойка – это был пир среди волков.

Приглашённые в морг женщины опознали своих мужей. Следствие ещё больше осложнилось. Значит, эстафету продолжает третье поколение преступников. Главари, должно быть, люди хитрые и опытные: стремятся не оставлять следов, оборвать концы нити у клубка. Кому-то пути выхода отрезаны.

«Может быть, Самигуллин соединит концы оборванной нити», – зародилась надежда у Кильдебекова.

* * *

Положение руководителя обязывает всё знать, всё слышать, иначе дело не пойдёт. Не можешь решить вовремя возникшую задачу – планы нарушаются, всё рушится. Чтобы избежать этого, Шахмиран стремится иметь острые глаза, чуткий слух, быстрые ноги, длинные руки. Самое главное – отличать белое от чёрного, оперативность и идти впереди событий. Последние три года Аксакал учил её овладевать этими качествами.

Шахмиран по какой-то причине вызвала к себе Шамиля Бакаева, знаком пригласила сесть, а сама, выйдя на середину, принялась извиваться по-змеиному. «Может ли она жить без постоянных тренировок?» – подумал Шамиль. Сама вызвала, сама вон чем занимается! Чудно всё-таки!..

– Как дела, Князь?

– Что там ещё? – вопросом на вопрос ответил Бакаев, струхнув. «Не просто выгиба-ется», – заподозрил он.

– Ты уж слишком, спросить о здоровье уже нельзя.

– Нет, я так просто.

– И я так же, – засмеялась она.

Тренировка затянулась и стала уже действовать на нервы Шамиля. Он от ожидания и неизвестности обессилел. Сказала бы хоть что-нибудь, а так?

– Почему-то от Торгаша нет вестей, – начал Бакаев, чтобы завязать разговор.

Наконец Шахмиран села около Шамиля, положила ему на плечо руку и прислонила свою гладкую щеку к небритой щеке друга.

– У-у, почему не бреешься? Жена перестанет любить, – сказала она с женской грацией.

– С раннего утра бегаю, нет времени, Шахмиран.

– Не бегай, ничего не делай, отдыхай, приведи себя в порядок хотя бы. За Торгаша не беспокойся, своё дело он хорошо знает. Ребят сохрани, как разделены, группами. Пусть не общаются друг с другом, держи от себя подальше. Ты для меня самый надёжный кадр, Шамиль, помни это, один конец нити у тебя. В тот раз куда дели Барсука? – неожиданно спросила Шахмиран.

– Это дело было поручено Кинжалу и Мушке, как знаешь. Ответственный – Торгаш.

– Это известно, Шамиль.

– Вчера у меня побывал Агент.

– Так начинай с этого.

– Он ведь пока ничего не знает, – продолжил Князь. – В лесу у Салмачей нашли два трупа. Оказалось, Галипов и Шомбытов. Жёны опознали. Обыскали галиповскую дачу. Убийство произошло там, затем трупы отвезли в салмачинский лес.

– Видно, не было проруби на Волге, – сказала, вздохнув, Шахмиран. – Всё началось с Барсука.

– Что делать, Шахмиран? Главарей надо спрятать.

– Мушка не наш человек, он наёмный исполнитель. На всякий случай впервые послала на помощь Торгашу.

– Надо ли было? Это прямое вмешательство в наши дела. Сообщи Торгашу: пусть даёт задний ход, денег не жалеет. Нельзя его выпускать из посёлка.

– Иди хоть побрейся, – проводила свою «правую руку» Шахмиран.

* * *

Душа была беспокойна у Шахмиран, чувствовала, что надо что-то делать, что-то прояснить. Если клубок выпустить из рук, он покатится, а за ним останется нить. Если Барсук нашёлся, то начнут копать снова. Также не надо забывать, кто следователь. Агент знает, что говорит. Надо будет что-то предпринять, если дела зайдут слишком глубоко. Шахмиран позвонила Аксакалу, что приедет ночевать на дачу.

– Пусть дядя Шамсутдин затопит баню, – напомнила она.

– Сам затоплю, сам, – обрадовался Шахназаров. – Тётя Хомайра испечёт твой любимый бэлиш, ждём тебя.

В округе нет и не будет, наверно, такой усадьбы-дачи, как у Шахназарова. Уже три года после посещения рэкетиров никто не осмеливался его тревожить. Свободно, не спеша строили под его личным наблюдением. На усадьбу не то что человек, даже птица не сможет попасть. Высокий забор с колючей проволокой, во дворе одна злее другой две собаки: волкодав Лорд и овчарка Барс. Обе ходят свободно, без привязи.

Коттедж-дворец в три этажа, построен по индивидуальному проекту, в среднеазиатском стиле, с высокими колоннами, со множеством углов. Часть третьего этажа срублена из сосновых брёвен – Шахназаров живёт в ней сам. На первом этаже – преданные работники: дядя Шамсутдин с женой Хомайрой. Там же расположены кинозал и бильярдная. В середине – банкетный зал, комнаты для гостей и другие комнаты, оснащённые для приятного отдыха. Имеются телефон и рация. Поодаль – гараж, складские помещения, овчарня дяди Шамсутдина. Сосновая баня – как отдельное хозяйство. Парная с каменкой с раскалённым булыжником. Есть и сауна, и бассейн. В домике – чайная комната, на столе кипящий самовар, в холодильнике разные напитки, закуски, минеральная вода. Для отдыха диван, две тахты. Баня – давнишняя страсть Шахназарова. Воду для каменки настаивают на семи травах по особому рецепту. До двенадцатого июля дядя Шамсутдин с женой занимаются сбором полезных трав и цветочных почек. Этим и располагает к себе Шахназаров гостей. Вечерние тосты поднимаются в честь бани Шахназарова. Двадцати-, тридцатиминутные ванны с лечебными травами омолаживают человека на несколько лет. Гульшагида, наверно, не напрасно стремится к семидесятилетнему Шахназарову. Это чувствует и сам Амир, хитро улыбаясь в приподнятом настроении. Его единственное утешение – эта девушка. Со дня смерти жены прошло уже семь лет, в том же году погиб и сын при испытании нового самолёта. Своя дочь вдалеке, у неё своя жизнь, своё небо...

После того как Гульшагида уснула, Шахназаров долго лежал в задумчивости. «Как ни говори, всё богатство останется у этой девушки, все сокровища в доме тоже. А чему сожалеть? всю жизнь служили мне и мать и дочь», – думал старый медведь. Гульшагида заслуживает похвалы, смотри, как организовала юбилей. Конечно, он не вправе забывать и о своей дочери, что в Ташкенте. И не забудет, выделит, что надо, пока жив, Бог даст. Хотя у дочери и своего богатства достаточно. Зять – человек авторитетный, не опускался ниже министра. Думы его унесли в Среднюю Азию. Умел жить Шахназаров: приедет в Ташкент, и там его на руках носят. Соберётся в гости к дочери, в аэропорту его встречает личная машина Шарафа Рашидова.

Первым делом надо было заехать к нему. Рашидову нравилось это. Нет, он не только первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана, он – открытый собеседник, писатель, историк и философ. Два тюрка не могут наговориться. Не успеет как следует посидеть, поговорить с дочерью, зятем и внуками, как увозят на дачу ЦК Компартии в районе Бешагач. Там уже другой мир, седьмое небо, земной рай. Цветы, цветы... каких только здесь нет! Каждый шатёр окружён цветами, виноградными лозами. В укрытых зелёными в узорах пологими гротах установлены маленькие столики или низкие узбекские лавки. Постелены ковры, откуда-то дует прохладный ветерок, приятно. Протекающая через дачу горная река поглощает испепеляющую жару южного солнца. Фонтаны с плавающими в них лебедями тоже освежают окружающий воздух. Кажется, здесь собраны разные птицы со всего света! Музыка живых голосов. О, это быстрое течение реки Анхор! Протекая вокруг дачи через скалы и устремляясь вниз в пропасть шумным, таинственным водопадом, уносит, кружа, от мирской суеты куда-то в неизвестность... Посреди зелёного моря дворец из белого мрамора – гостевой дом, снизу из-под горы кажется вознесённым на небо – точь-в-точь как индийский Тадж-Махал! В этих великолепных дворцах и Шахназаров оставил свои глубокие следы. Небольшого роста, со сросшимися густыми бровями, с длинными до пят волосами, сплетёнными в двенадцать кос, с гибким змеиным станом девушка – узбечка Наубархон до сих пор перед глазами. Вечерами она мыла ему ноги, в его комнату подавала еду, готовила постель и укладывала спать под узбекские напевы. В те времена Шахназаров был молод, красив, полон страсти. Теперь он повернулся с Юга на Запад. После юбилея напали на него неопишуемые чувства, на душу легла тоска. Спасибо Гульшагиде, посещающая его, она прибавляет ему много сил и вдохновения, бодрости и энергии. Он любит подолгу любоваться её плотным телом шоколадного цвета, изящной фигурой. Поглаживает её, берёт в свои объятия и впитывает в себя её здоровую энергию. Девушка его омолаживает. Нет, поддаваться рановато ещё Шахназарову, надо ещё справить восьмидесятилетие, девяностолетие, затем ждать столетия. Он искренне верит в обещанные Козерогом девяносто три года жизни. Делами фирмы займётся завтра, да и Шахмиран, наверно, приехала недаром. Завтра, завтра... Потихоньку Шахназаров погружается в сон.

* * *

После двухдневного отдыха на усадьбе Шахмиран приказала временно приостановить дела фирмы «Татсиб», так как после события с Галиповым-Шомбытовым в округе запахло жареным и действия противной стороны активизировались. Об этом Агент постоянно информировал и в то же время напоминал о том, что могут быть вещи ему неизвестные. Значит, надо больше думать о своей безопасности. Вот к чему привёл один неосторожный шаг жадного Барсука!..

Это решение особенно понравилось Князю. В тот день предостережениям Шахмиран он не придавал особого значения, думал, что она это говорит из жалости к нему. Но теперь, когда решение прозвучало официально, он вздохнул свободно. У него настали деньки приятного отдыха. Не спеши, Бакаев! Вдруг объявился из районов Сибири-Урала Торгаш. Это было неожиданностью.

– Что так срочно? – спросил Князь.

– Кого ты прислал ко мне, бестолочь, что он знает в делах торговли? Я же не просил помощника. Понял я, зачем замучил меня, допытываясь насчёт номера гостиницы. Оказывается, кого-то сватать!

– Подожди, не кипятись, – перебил его Бакаев.

– Сам же сказал, работы много, и ещё надо было убрать Мушку из Казани.

– У себя дома надо было спрятать своего Мушку.

– Надеюсь, ничего там не случилось?

– Тогда слушай. Вот здесь, в сумке, два куска радиоактивного металла, то есть слитки урана.

– Ты что?

– Не бойся, в три слоя полиэтилена завёрнуты они. В Глазове некто Евсеев в кармане вынес с завода. Ничего, не взорвался, а ты струсил. Каждый по пять килограммов. Взял товар, спрашиваю: «Вот здесь две пачки денег. В одной – тысяча долларов, в другой – миллион рублей наших. Какую пачку берёшь?» «Что мне делать с этими долларами? В мусоропровод бросить? Давай миллион», – говорит, тупица. Отдал миллион. Купил билет на самолёт, заехал в гостиницу рассчитаться.

Привожу вещи в порядок в номере, такси ждёт на улице. И вдруг стук в дверь. «Влип», – думаю, взял в руку газовый баллончик и открываю дверь.

– Кто вам нужен?

– Торгаш, – отвечает.

– Какой торгаш?

– Я из Казани – Мушка, приехал выполнять ваши поручения, – говорит.

Только после этого внутри потеплело. Вспомнил операцию Барсука. Незнакомый человек, однако.

– Кто тебя послал? – спрашиваю.

– Парень один, – умри, ей-богу, не знаю.

– А это что за сказка?

– Этот парень вырос в нашем посёлке, знает, что я сидел. Его брат Князь послал его ко мне. Мне что, сказали заплатят, вот и приехал, – объяснил он.

– Что с ним сделал?

– Так услышав твоё имя, что делать, поняли друг друга.

– Дальше, дальше.

– Дослушай, Евсеев обещал было через неделю ещё один кусок, так его поручил твоему Мушке. Оставил ему один лимон на всякий случай. Там есть возможности. Некий Трепет вывез на ЗИЛе восемьдесят килограмм того же металла. Закопали на кладбище. Мушке дал координаты Евсеева. Должны встретиться в среду у кафе-бара. Приедет, как только получит товар. Сам поеду на машине дней через десять – двенадцать. Да, ещё связался с Балтикой, клиент будет ждать в Москве. Сегодня же надо отправить Кинжала или Фару с товаром. Вот такие дела, дружище, а вы здесь закрыли контору.

– Шахмиран не одобряет непосредственного участия Мушки в наших делах. Велела вернуть его обратно. «Не выпускайте из посёлка, – говорит. – Наверное, у вас есть возможность содержать его». Может, она права, как думаешь?

– Я же сказал, через неделю приедет. «Братишке» скажи, чтобы не упустил товар. Он мне там ни на черта не нужен, просто лишний груз, нахлебник.

– Не выкинул бы чего, говорю.

Два друга вволю обменялись мнениями о предстоящих делах. Договорились попроще объяснить Шахмиран об уране. Не запутать бы дело, доведя до Аксакала об этом. Оба почему-то в тревоге.

* * *

Чем занят в это время Мушка в городе металлургов? Это должен знать «посол» Кильдебкова Самигуллин. Не считая первых часов после приезда в Глазов, Самигуллин не выпускал Матвеева из поля зрения. Устроившись в гостинице, Матвеев направился в ресторан. Поел-попил, нопил умеренно, не до опьянения. Вернувшись в номер, пустил воду в ванной, значит, собирался мыться, отдохнуть. Самигуллин вошёл в свой номер, полежал с газетой в руке и

чуть вздремнул. Тем временем Матвеев спустился на второй этаж, разыскал тридцать седьмой номер, где, как вам известно, свиделся с Торгашом, получил от него необходимую инструкцию. Таким образом, сам того не замечая, посадил Самигуллину в лужу, оборвав одно важное звено цепи. Самигуллин здесь допустил непростительную беспечность.

В среду Матвеев встретился с неизвестным человеком у кафе-бара. Долго разговаривали. Затем незнакомец достал что-то из нагрудного кармана и положил в сумку Матвеева, и они направились в гостиницу, где заперлись в номере. Гость пробыл недолго, но Самигуллин успел по предварительной договорённости вызвать из городского управления внутренних дел Глазова сотрудника себе в помощники и поручил ему упомянутого «гостя».

Кто такой этот «гость», нам известно: это друг Торгаша Евсеев, рабочий военного завода. На следующий же день Евсеев познакомил Матвеева с водителем ЗИЛа Трепетом и ещё с некоторыми другими людьми. Дела усложнились. К работе были привлечены сотрудники службы безопасности Удмуртии. Из Казани прибыли дополнительные силы. Группу возглавил майор Кильдебек сам. При отработке Матвеева Самигуллиным был осмотрен его гостиничный номер. С удивлением обнаружили в ящике стола пропахший пороховым дымом пистолет Макарова, в сумке какой-то кусок металла и свёрток с пятьюстами рублями денег. Местные сотрудники тут же определили, что за металл. Это был слиток урана, опасный товар.

– Матвеева в эту комнату пускать нельзя, – сказал полковник из Комитета госбезопасности. – Сейчас же берём всех. Общая картина ясна, объекты известны, тянуть нельзя, возможна беда.

Остальное, как говорится, дело техники. Взяли всех одновременно. Рабочие завода Евсеев, Суворов, Лихованов, Плюскин, шофёр Трепет, пользуясь огрехами охранной системы, долгое время выносили с завода радиоактивные металлы. Не принимая никаких мер защиты от заражения окружающих людей и местности, продавали их за бесценок всякому мафиозному сброду. Только ставшие известными сто пятьдесят килограммов урановой смеси – сила, способная испепелить пол-Европы. Об этом случае впоследствии писала газета «Известия», но сделанное уже было сделано. Матвеев, когда ему надевали наручники, высказал сильное неудовольствие, говоря, что не заслужил такого позора, что он ни в чём не виноват.

– Кто же виновен, Матвеев, кто вызвал вас из Казани? – поинтересовался Кильдебек.

– Значит, сами знаете.

– Говорите яснее!

– Вызывать никто не вызывал, дали деньги и отправили выполнять поручение, – сказал Матвеев.

– Кто послал, какое это поручение?

– Через одного парня сделали это. Не знаю, кто он, не видал ни разу. Я просто попался на удочку, сейчас это уже не имеет значения. Здесь в Глазове сидит резидент казанской мафии. Живёт в тридцать седьмом номере гостиницы, кличка Торгаш. С этим паролем я и связался с ним. Кажется, он татарин. Жаль, что успел уехать в Казань. Через десять дней должен приехать забрать товар у этого холуя Трепета. А у меня свой путь, уеду, когда он приедет. Не буду лезть в такое грязное дело. Я только передал им указания того парня. Я, ничего не тая, ясно всё рассказал. Можете проверить, гражданин начальник. Прошу до суда оставить на свободе. Дам расписку. Зачем мне бежать, если не я виновен?

– Эта сумка ваша?

– Моя, не скрываю.

– Что в сумке?

– Какой-то кусок металла велел взять у Евсеева. Сколько положено денег, отдал. Остальное – моя доля. Это всё.

– Ещё что есть, договаривай, – продолжил копать Кильдебек.

– А, о пистолете говорите, это... тот парень из Казани просил передать Торгашу, забыл. Раз просили передать, взял. Ошибся, каюсь. Но не для использования, поэтому не ношу с собой чужую вещь. Я вам рассказал всю правду, гражданин начальник, сами видите, участие моё только такое. Получается, без вины виноватым становлюсь, если так.

– Ладно, Матвеев, это расскажешь судьям. Сейчас мы с вами поедem в свою Казань, про остальное там договорим, – закруглил беседу Кильдебеков.

– Вы из самой Казани?

– Так вот.

Исповедь Матвеева пригодилась: некоторые моменты прояснились. Значит, здесь сидит резидент Галиповых-Шомбытовых. Кто, интересно, этот Торгаш? С такими мыслями Кильдебеков заспешил в гостиницу. Там узнал, что в тридцать седьмом номере проживал некто Тараканов Иван Петрович. Стоп! Матвеев сказал, что вроде он татарин. Значит, он ходит по фальшивому паспорту. Снова должен приехать. Нет, в Казань нельзя спешить. Если коллеги из Удмуртии не будут против, Матвеева надо временно освободить. Пусть живёт в гостинице, никуда не денется.

Кильдебеков позвонил в Казань, чтобы выяснить, кто такой Тараканов Иван Петрович. Если таковой взял билет, то нужно срочно сообщить и поехать сопровождать его. Согласился отправить назад членов специальной бригады. Самигуллина оставил с собой.

* * *

У пути имеются как продолжение, так и остановка. Тимержана Сафаргалиева пугала эта остановка, не хотелось её, когда всё шло гладко. Торгаш, охваченный тревогой, с нетерпением ждал Мушку в Казани. Получив товар, тот должен был приехать немедленно! Может быть, не всё он понял? Но в руках деньги, пароль известен, получил товар, расплатился и дуи. Хоть это должен был понять, если не дурак. Нет, что-то случилось: или те погорели, или он сам. Надо ждать, товар не убежит, сдерживал себя Тимержан, иначе можно влипнуть. Выход какой-нибудь найдётся. Может, соблюдая всякие предосторожности, двинулся бы, но беспокойства прибавляет исчезновение Кинжала, который был направлен в Москву и пропал, как в воду канул. Кто теперь расскажет Тимержану, что случилось с Кинжалом в Москве? Когда его провожал, дал наставление держать товар в нагрудном кармане, как это делал удмуртский мужик Евсеев, иначе могут украсть вместе с сумкой. Клиент из Балтики должен был встретить «посла» на станции метро «Цветной бульвар». Кинжал положил сумку на землю и ровно в пять часов начал глазами искать человека с дипломатом с наклеенным изображением головы лося. Ждать долго не пришлось, из вагона вышел длинный, как жердь, блондин. Пройдя немного, он поставил на платформу свой дипломат поперёк движения толпы с тем, чтобы можно было рассмотреть рисунок. Сам вынул из кармана газету и стал её просматривать.

– Этот, должно быть.

Кинжал нагнулся за сумкой, и в этот момент кусок металла со звоном выпал из нагрудного кармана на мраморный пол. Около Кинжала остановился проходящий мимо молодой милиционер.

– Что это, гражданин?

– Цирконий это, простой цирконий.

Милиционер взял его в руки и потёр об рукав кителя, будто желая с него стереть пыль, повертел в разные стороны и спросил:

– На что он годится?

– Проволоку ковать на нём хорошо, вместо наковальни, я это... инструменты ремонтирую.

– А-а, возьмите тогда.

От радости Кинжал, забыв о предосторожности, подошёл к клиенту, потянул его в сторону. Тот начал отмахиваться от него, произошла небольшая заминка.

– Вы что, я из Казани, от Торгаша, – начал объяснять Кинжал, но к ним подошёл тот милиционер.

– Всё-таки пойдём-ка со мной, – сказал он, взяв под козырёк.

Когда пришли туда, всё стало понятно.

– Какая бессмысленность, – пожалел Кинжал.

...Когда после долгого ожидания резидент не появился в районе Глазова, Кильдебеков уехал в Казань. Относительно металла с Виктором Матвеевым всё было понятно. Что говорил о Торгаше, похоже было на правду, но остальное вызывало недоверие. Магазин, смерть Галипова и Шомбытова, пистолет – всё это улики против Матвеева. На днях его доставят в Казань, он уже сидит на крючке и достаточно крепко.

В Глазове, наверное, есть ещё кое-кто, через которых он предупредил Торгаша об угрозе, иначе не мог тот не появиться. Ведь товар готов, клиенты ждут. Если это так, то его ноги здесь не будет.

* * *

Что не говори, а не найдя конца нитки, клубок не размотаешь. С середины начнёшь – нить потянется в разные стороны. Сильнее потянуть – порвётся. А надо не рвать, а размотать. Здесь один конец нити – Матвеев. Чтобы размотать клубок до конца, надо начинать с него. Но он в краже металла был только посредником и в Глазове других преступлений не совершал. А ведь в реальности трое убиты, один ранен – виновник до сих пор не найден. Во время допроса Матвеев держится твёрдо. Тюремные порядки, как отвечать на вопросы, знает, опытен. Лишнего слова не скажет, стремится убедить в правдивости своих показаний. Устроили очную ставку с продавщицей – безрезультатно. Девушка узнаёт, конечно, но говорит, что не видела такого человека. Бойтся связываться с сидевшим в тюрьме уголовником. Что подделаешь, не сажать же вместо одного другого. Самигуллин изложил весь маршрут Матвеева.

– Меня хотите взять на мушку, – говорит девушка.

Наконец пришли результаты судмедэкспертизы: пули, извлечённые из головы Нугаева и сердца Шомбытова идентичны пулям из пистолета Матвеева. Пять патронов в пистолете, оставшиеся из семи, тоже это подтверждают. Наверное, поэтому преступник с самого начала пытался отказаться от пистолета. Однако, без сомнения, оба преступления совершены этим оружием. Для суда этого достаточно. Если найдутся другие неопровержимые доказательства, будет ещё лучше.

– Где анализы галиповской дачи? – спросил Кильдебеков у своего помощника.

– Привезут сегодня вечером.

Среди отпечатков пальцев на рюмке и бутылке были и принадлежавшие Матвееву. Теперь надо было встретиться с доставленным из Москвы Фаилем Битовым для идентификации его отпечатков пальцев на рюмке и бутылке. Это будет доказательством его участия в преступлении. Кильдебеков решил провести интересный следственный эксперимент.

– Что-то бледный ты стал, Кинжал. Наверно, от нехватки воздуха.

– Вы это о чём, гражданин начальник?

– Сейчас мы с тобой проедем по городу, окунёмся в природу, подышим свежим воздухом, – сказал Кильдебеков. – Может, лейтенант на память снимет нас на киноленту? Пойдёт так, Самигуллин?

– Я всегда готов, товарищ майор.

– Тогда поехали.

Оставив позади несколько улиц города, уазик остановился на углу улиц Маяковского и Бутлерова. Вышли из машины. Самигуллин с кинокамерой встал в сторонке. Кильдебеков краем глаза наблюдал за Кинжалом, лицо которого посинело.

– Как, эти места знакомы тебе, Битов?

– Я ведь казанец, почему не быть им мне знакомыми?

– Если так, то скажи мне, Фаиль, к этому месту с каких сторон можно подъехать? – спросил Кильдебеков, сведя разговор к шутке.

– С обеих сторон улицы можно подъехать, с той и этой...

– Постой, постой, как подъедешь, когда дорожного знака нет, улица узкая? Если вдруг что-нибудь случится, например, на дорогу выбежал ребёнок, куда повернёшь, а?

– Вправо, можно взять на дорогу, выходящую из того вон дома.

– Ладно. А как называется улица, идущая вниз?

– Которая, что ближе? Некрасова, сами, наверно, знаете, – ответил Битов.

– А дальше что за переулок?

– Улица, что поперёк, это – Шапова.

– Нет, та, что идёт вниз до кольца.

– Которая поворачивает влево, в овраг?

– Собачий переулок, чудной, конечно.

– Молодец, можно сказать, что казанец. А ведь некоторые не знают толком места, где живут, – заключил Кильдебеков, заканчивая первую часть прогулки.

Затем они проехали до дачи, до леса возле Салмачей. Вначале на свежем воздухе Битов не скупился на слова. Размахивая руками, объяснял, что видит, что знает. Только около дачи замкнулся, что-то почуяв. На вопрос: «Можно сюда заехать зимой на «жигулях?», ответил, что нет, наверно, по глубокому снегу могут пройти только «нива» или уазик. «Прогулка» на этом закончилась.

На другой день на встрече с Матвеевым Кильдебеков решил обновить свой эксперимент, может, это даст что-нибудь. Дал указание приготовить киноленту.

– Может быть, и вы думаете обновить свои путешествия, Матвеев? Всё же мы сначала выслушаем Кинжала. Он ведь, к удивлению, ничего не хочет взять на себя.

Как только на экране появились немые кадры, майор приступил к объяснениям.

– Вы машину Нугаева держали вот здесь, попали в аварию, стреляли в людей. Битов показывает, что вы развернулись и на улице Шапова чуть не сбили женщину. Машины разъехались в разные стороны. Что забыли в Собачьем переулке, я не знаю. Хотя вам это известно, Матвеев. Не будем терять времени на то, как сожгли машину. Если тебе интересно, могу показать, как гуляли на даче Галипова, как совершили преступление, как спрятали кровавые следы в лесу у Салмачей. Каким образом ты мог совершить все эти преступления в одиночку, Матвеев? Ну, будем смотреть дальше?

– Не надо, продал, значит, падла. Понял теперь, зачем он тогда окровавленный нож совал мне. Дескать, держи у себя, у меня нет кармана. Надо было тогда всадить ему пулю в лоб. Барсука он, Кинжал, заколол. Падла, хочет выйти сухим из воды. Всё организовали Барсук и Кинжал. Меня нашли и привлекли они, когда я ничем не занимался. А Торгаша я на самом деле не знаю, гражданин начальник.

– Ты, похоже, забыл всё.

– Верить или не верить – ваше дело. Мне сейчас уже всё равно. В гостинице с ним встретился в первый раз и, как вы знаете, тут же разошлись. Посредника-пацана тоже не знаю. Может, у них есть ещё кто-то, который послал. Я так думаю...

Клубок потихоньку начал разматываться. Намотан из очень длинной нити, разматается ли до конца – неизвестно. «Татсиб» вынужден приостановить свою работу, значит, что-то есть. Клубок, похоже, катится в эту сторону...

Часть вторая

Сановнику, кажется, наступили на хвост... Кнопка звонка на косяке входной двери была расположена довольно высоко. Низкорослый милиционер никак не мог дотянуться до неё. Едва дотронулся пальцем, как внутри зазвучала еле слышная музыка. Плохо слышно, значит, входная дверь двойная. Посетители ждали вопроса: «Кто там?» Но никто голоса не подавал. Старший лейтенант снова потянулся к звонку, но в этот момент обе двери одновременно открылись. Посетители вошли внутрь.

– Разрешите вас побеспокоить!

Между тем обе двери автоматически закрылись. Посетителей было трое: тот низкорослый милиционер, двое в гражданской одежде, как на подбор высокого роста. Кто они, зачем явились, почему не предупредили? Какая нужда появилась ещё у милиции? Это было загадкой для хозяина дома. Однако на его лице не возникло ни тени тревоги. Ночные гости не успели опомниться, как перед ними возникли похожие друг на друга как две капли воды две овчарки величиной с телёнка. Псы сели напротив, уставившись на вошедших своими красными глазами, как будто ожидая, что кто-нибудь им положит в рот кусок мяса. Хозяин продолжал сидеть у стола в глубине комнаты. Милиционер, пытаясь пройти в комнату, сделал только шаг, как собаки, рыча, пресекли его попытку.

– Уберите собак!

– Они интересуются, кто сюда явился, – спокойно молвил хозяин.

– Лорд, сиди спокойно, – попытался приказать милиционер, но сторожа и на это ответили рычанием.

Хозяин, а это был Шахназаров, поднялся с кресла и шагнул в сторону коридора. Приказал вошедшим не двигаться с места.

– Значит, знаешь Лорда. Дурака узнаешь по его словам. Здесь ведь нет Лорда. Теперь представьтесь сами, в чём нужда?

– Я – Юркин Николай Петрович, из угрозыска, эти – наши сотрудники.

Старший лейтенант полез было в карман за удостоверением, но Шахназаров остановил его.

– Не надо, я сам. Поднимите вверх руки. Ну, кому я говорю? Все трое! Вот так. Смотрите, пошевелиньте пальцем, разорвут на части, – предупредил их, затем обратился к псам: – Мальчики, внимание!

– Ух!

– Ух!

Сторожа, показывая свою готовность к нападению, зарычали, завизжали, обнажая свои зубы. Шахназаров сначала прощупал офицера, достал его пистолет и удостоверение. У других, кроме ножа, ничего не оказалось.

Приговаривая: «В чужой дом разве заходят с пистолетом, ножом?», хозяин направился в зал. Приказал незваным гостям не шевелиться, собакам быть настороже. «Р-р, р-р», – был ответ.

Шахназаров разложил на столе взятые у тех вещи, из нагрудного кармана халата достал величиной со спичечную коробку сотовый телефон и набрал номер.

– Я это. Узнал? Извини, что беспокою так поздно. Нужны сведения о старшем лейтенанте Юркине из угрозыска. Николай Петрович. В каком отделе работает? В чьём подчинении? Жду.

Хозяин взял в руки пистолет милиционера. Долго вертя в руке, осмотрел. Сколько людей погубил этот пистолет? Старое оружие, черен стёрлась, рукоятка блестит, заряжен. «Кому предназначена эта смерть – мне?» – У Шахназарова дрожь пробежала по спине. Разрядив пистолет, вздохнул свободно. Вспомнив что-то, достал телефон.

– Выдели парней пошустрей. Пока ничего нет. Ну, четверых-пятерых. Будут ждать в своих машинах. Достаточно, если ко мне зайдут Фара и Князь. Не беспокойся, позвоню сам минут через двадцать – тридцать. Нет, нет, тебе не надо трогаться. Будь на телефоне!

– Руки устали, отпустить бы их, мы ведь безоружны. Может, уйти нам совсем, и Вам, Аксакал, хлопот будет меньше, а?

– Откуда знаешь моё имя и Лорда тоже?

– Если отпустите, даём слово забыть всё, – сказал «милиционер». – Мы ошиблись, сейчас каемся.

– Пожалуйста, отпустите!

– Руки отвисают, нет терпения, – бормотали другие.

Подойдя к ним, Шахназаров одному за другим отпустил руки. Похоже, псам это не очень понравилось, и они удивлённо застонали. Хозяин напомнил, что двигаться нельзя, иначе придётся их кости увозить в мешках. А сам, как ни в чём не бывало, стал ходить из одной комнаты в другую.

Интересно, сколько же комнат здесь? Снаружи входная дверь одной квартиры заложена. Значит, две квартиры объединены в одну. Тогда комнат не менее пяти-шести. Говорили, живёт один. Зачем ему столько комнат?!

Ошибаются ночные гости. Одна комната объединённой квартиры вместе с кухней и туалетом принадлежит собакам. Живут, как хотят, неплохо. Окно с этой стороны всегда открыто, работает вентилятор. Никакого лишнего запаха!

– Аксакал, а, Аксакал! Может, нас отпустите?

– Когда всё выяснится, – ответил хозяин сухо.

Через пятнадцать минут зазвонил телефон. Шахназаров утонул в кресле. Внимательно выслушал звонившего. «Так... так», – поддакивал, но сам ни одного вопроса не задал. Те, что у двери, встревожились. Чувствуют, что разговор о них. Тогда о шустрых парнях, наверно, говорил неспроста. Есть, конечно, повод для беспокойства. Видно, попались...

Разговор по телефону окончен. Шахназаров дробно постучал пальцами по столу, надел тёмно-синие очки, закурил толстую сигару и выпустил несколько клубков дыма.

– Умоляем, Аксакал!

– Юркин, как твоё настоящее имя?

– Николай.

– Не ври.

– Ей-богу.

– Три года тому назад ты убил старшего лейтенанта Николая Юркина?

– Вот ещё.

– Отвечай прямо!

– Я никого не трогал.

– Ведь это удостоверение его. Знаешь, подлец, что делают с убийцами? – начал вскипать Шахназаров. – Таких и самих ухлопывают. К тому же с оружием пытался ограбить мой дом. Придётся держать ответ.

Лжеюркин начал рыдать, умолять, друзья съездили ему по голове. Шахназаров кое-как остановил собак.

– Садитесь на пол, – приказал хозяин. – По-турецки. Вот так. Остальное решат ребята, они знают.

Войдя в зал, хозяин ещё раз взял телефон.

– Пришлите ребят, у меня есть забава.

Шахназаров, посчитав работу законченной, снова погрузился в кресло. Забавлялся, пуская кольца дыма. Спокойствие хозяина, особенно его регулярные указания по телефону окончательно привели «милиционеров» в страх. Кто, интересно, этот Аксакал?! Министр внут-

ренных дел? Или госбезопасности? Может, теневой премьер-министр, президент?! В одно мгновение раскусил их. Нет, не вмещается это в голову!.. На собак только посмотри, языки около ушей «милиционера». Пошевелись только, голову откусят. Ни пистолет, ни нож не помогли. А хозяин даже не интересуется, чем они занимаются. Другой замучил бы окончательно. Этот всё знает – тогда спасения нет. Заиграл музыкальный звонок. Собаки наострили уши. Хозяин нажал на кнопку телефона, и двери распахнулись. Тайна, оказывается, вот в чём: не надо спрашивать, кто там, телефон всё сделает. Парни прибыли в одно мгновение. Хозяин поприветствовал их поднятием правой руки.

– Князь, узнаёшь этих?

– Подними-ка голову, – Князь приподнял голову «милиционера», взяв рукой за подбородок. – Нет, пожалуй.

– Это же Пёс, – сказал Фара.

– А-а-а, это тот разбойник, чем ещё занимается он здесь? Тогда ведь Шахмиран предупреждала его. Непонятлив оказался подлец.

– Значит, претендент на мою усадьбу. А я его совсем не узнал.

Фара надел наручники на всех троих пленников. Князь начал выяснять, каким образом они вышли на этот дом, кто им дал адрес. Его перебил Шахназаров:

– Это выясните там. Он даже знает, что я Аксакал.

– Неужто так?!

– Три года тому назад он убил старшего лейтенанта Юркина, – Шахназаров протянул красное удостоверение. – Вот с этим ходит теперь. Находится в розыске. Осиротели трое детей покойного Юркина.

– Его не я убил, – очнулся Пёс.

– Опять ты ошибся, негодяй.

– Где ваши машины? – поинтересовался Аксакал.

– Укрыты в саду.

– Форму снимите с Пса, наденьте куртку – пусть будут одинаковы, – сказал Шахназаров. – Идите, надоели вконец. Не забудьте завязать рты. Остальное сам выясни. И ещё другое...

Ребята быстро реализовали свою готовность. Перед уходом Князь под руку отвёл в сторону Аксакала и шёпотом спросил:

– Что делать, отвезти в УГРО?

– Ты что – сумасшедший?!

– Понял.

– Поезжайте подальше. От нас не должно быть дыма.

– Сделаем, как сказали, Аксакал. Здоровьица вам!

Автоматические двери открылись, пропустив людей, и закрылись. В доме воцарилась тишина. «Мальчики» Шахназарова, как будто решив, что сегодня достаточно поработали, ленивой походкой направились в свою комнату на отдых. Если бы даже не рэкетиры, а сам майор Кильдебеков пожаловал сюда, были бы такие же «почётные» проводы. Аксакал хорошо знал способы избавления от таких. Этому он научился, ещё работая в обкоме партии.

* * *

Вылазка бандитов обеспокоила Шахназарова. Мемуары, которые начал писать на прошлой неделе, отодвинул в край стола. Вот ведь что делают?! Зачем, например, пришли сюда? Понятно, грабить. А может, угробить совсем – кто знает? Юркин, дескать. Не назывался бы он Аксакалом, если Юркин мог его достать, сопляк! Остальное пусть Князь решает. Однако даже такая малость информации не должна была просочиться. Значит, где-то имеется слабое звено. Надо предупредить Шахмиран, чтобы действовала осторожно. Шахназаров не собирался кого-

то обвинять. Этот Пёс в тот раз добрался до усадьбы. Мог установить слежку. Но как узнал об Аксакале? Дело вот в чём. Ладно, выяснит Князь.

– Всё это шелуха, шелуха, – думал вслух Амир.

Он пытался перевести свои мысли на другое. Фирма «Татсиб» юридически ликвидирована – это его не беспокоит. Надо было такое сделать, чтобы ввести в заблуждение органы. С людьми дела посложнее. Мушка и Кинжал сидят в клетке. Информация может распространиться от них. Сколько раз было сказано наступить на хвост следователю Кильдебекову – всё тянут. Твёрдый орешек, дескать. Но на твёрдый орешек ведь есть и молоток побольше. Шахназаров набрал номер. Длинные гудки насторожили его. Что это? Может, ошибся, нажимая на кнопки? Набрал снова.

– Что не отвечаешь, Гульшагида?

– Ребята заехали посоветоваться, – ответила девушка, объясняя своё молчание. – Снова Пёс выполз из подворотни. Хотел просто разбогатеть. Сейчас выясняем, откуда взяли «Аксакал».

– Смотрите, чтоб следов не осталось. Сама не собираешься ко мне? Давай приезжай, испортили настроение.

Рэкетеры, пришедшие грабить, даже не успели увидеть всех богатств, имевшихся в доме. Стоя у порога, пытались сосчитать количество комнат. Помимо комнаты для собак, у Шахназарова на одного себя пять комнат. Все они, кроме библиотеки, битком набиты всяким добром. Здесь и хрусталь, и ковры, оставшиеся после смерти жены, и много чего доброго. Амир многие годы коллекционировал часы. Это было его хобби. Часы – от маленьких, величиной с пуговицу, до таких, что упираются в потолок. Последние, по словам хозяина, – древние, с ханских времён. Может быть и так, среди них многие без документов и сведений об их происхождении. Золотых и серебряных, инкрустированных агатом, изумрудом и другими драгоценными камнями наручных часов бесчисленное множество, стенки с двух сторон выставлены ими. Рэкетирам хватило бы нескольких штук для обогащения. А сейфов, спрятанных в вентиляционных колодцах, они бы просто не нашли. В них хранились золотые монеты, чеканки разных лет и разных стран, украшения: кольца, серьги, браслеты, брошки, булавки и тому подобные сокровища. Об этих даже Шахмиран не знает. Амир не из тех, кто суетится, никому не спешит раскрывать свои секреты. Придёт время – всё достанется этой девушке.

В прошлом году после юбилея попытался было вручить сокровища наследникам, но раздумал. Решил потерпеть. Наследники вам известны: дочь, что в Ташкенте, и Гульшагида. Дела несколько изменились в последнее время. Фирму пришлось прикрыть, новая ещё не создана. Все заботы ложатся на него. Придётся, наверно, рукава засучивать повыше. Как говорится, нужен причал для стоянки, и он должен быть надёжным прикрытием от волн. Конечно, не надо заново открывать Америку. Времена другие. Использовать возможности, созданные самим государством, и этого вполне достаточно.

Гульшагида приехала скоро. У Амира исчезли все тревоги, поднялось настроение. Та приласкалась к нему, прижав горячие щёки к его успевшему обрасти бородой и усами лицу.

– Проводила их.

– Забудем о них.

– Больше не будут беспокоить.

– Пойдём на кухню пить чай, – позвал Амир девушку.

И здесь всё поручено кнопкам. Импортные кухонные комбайны и варят, и жарят. Но хозяин решил не возиться с ними, на ночь глядя. Всё оставил на волю Гульшагиды. Та накрыла стол лёгкой закуской. Здесь были сдобное печенье, разные орехи, яблоки, апельсины, бананы.

– Ну как? – спросила Гульшагида, открывая дверцу холодильника.

– Про кистень спрашиваешь? Давай бери!

Шахназаров называет так французский коньяк. Хотя в последние годы он не увлекается спиртным, но когда появляется Гульшагида, не отказывается от «схватки» с кистенём. Страсть и силу придаёт он ему, поднимает настроение. Сегодня есть аппетит, может опрокинуть парочку.

Прежде чем пройти в зал, Шахназаров решил прояснить кое-что на «свежую» голову. Его заинтересовала судьба арестованных Кильдебековым.

– Что собираетесь делать? – задал он вопрос.

– Мушку прикончил сокамерник, забыла сказать.

– Когда?

– Позавчера. Ещё одна новость: вчера следователь повесился на оконной форточке в своём кабинете. Странно!

– Майор Кильдебеков?

– Он самый.

– Ещё что?

– Всё вроде. В оставленной им записке написал: «В моей смерти прошу никого не винить».

– А как с «делом»? Это очень важно.

– Какое может быть «дело»? Нет сейчас такой головоломки. Семнадцать томов написал, оказывается, дурак.

– Твоя работа?

– Работу выполнили исполнители, – сказала девушка.

– Давай в честь этого!

После того как опрокинул рюмку, Шахназаров почувствовал облегчение и повеселел. Пососал ломтик апельсина, съел банан. Снова наполнил рюмки.

– Достань орехи!

– И тебе поколоть?

– Парочку, – сказал хозяин.

«Кажется, во всё уже внесена ясность, – подумала Гульшагида. – Не просто так, оказывается, позвал старина. Беспокоится, всё делает, обдумывая заранее». А вот Гульшагиде недостаёт такой способности, она нуждается в советах и подсказках Аксакала. То, что в деле Мушки она проявила самостоятельность, его обрадовало. Лишних вопросов не задавал, а всё поднимал и поднимал рюмку в честь этого. Девушка немного поторопилась с выводами. Оказывается, разговор ещё не окончен. Не таков Аксакал, чтобы остановиться на полуслове.

– Ты ведь одну вещь забыла, Гульшагида, – сказал он, вертя в руке рюмку.

– Что-то не могу вспомнить.

– Московский хвост, говорю.

– А-а-а, Кинжал?

– Его там оставлять нельзя.

– Вышел уже, отправила отдыхать.

Закругляя ужин, Шахназаров потихоньку вышел из-за стола.

– Спасибо, Гульшагида, все мои тревоги как водой смыла. Я теперь живу для тебя. Давай выйдем в зал. Завтра поеду в имение, бог даст. Душа успокоилась. Надо хорошенько всё обдумать. На свежем воздухе голова работает лучше. Думаю, нельзя оставаться без фирмы.

Шахмиран хорошо поняла Аксакала. Значит, собирается начать большое дело. Бог не обидел его ни головой, ни способностью. Пусть живёт и здравствует. Надо поднять ему настроение...

– Пойду, приму душ, – сказала она.

Амир уселся на чёрно-коричневый, как зебра, диван в ожидании выхода девушки из душа. «Кистень» успел уже разогреть его кровь основательно. Он знает привычку Гульшагиды

выходить после купания в полупрозрачном, как туман, халате, накинутом на голое тело. Это его соблазняет, радует глаз и придаёт силы телу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.